

САМОѢДЫ

ВЪ ДОМАШНЕМЪ И ОБЩЕСТВЕННОМЪ БЫТУ.

Владиміра Іславина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Въ Типографіи Министерства Государственныхъ Имуществъ.

Печатать позволяется

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 25 Марта 1846 года.

Ценсоръ *А. Очкинъ.*

Въ послѣдніе пять лѣтъ нѣсколькимъ путешественникамъ пришлось посѣтить далекій нашъ Сѣверъ, и именно ту часть, въ которой кочуютъ Мезенскіе Самоѣды. У всякаго былъ свой предметъ для наблюденія: кто, посреди скудной растительности, дѣлалъ изслѣдованія, обогатившія Сѣверную Флору; кто, по расположенію слоевъ минераловъ, заключалъ о давнихъ переворотахъ въ нѣдрахъ земли, или съ помощію звѣзды путеводной, слѣдилъ за правильнымъ теченіемъ водъ и положеніемъ горъ по моховой той пустынѣ; кто наконецъ, подмѣчая звуки тѣхъ племенъ, сравнивалъ ихъ съ своими родными

и открывалъ въ нихъ много сходнаго, находилъ новые матеріалы для Лингвистики и Исторіи народовъ, разбросанныхъ по обширному Сѣверу; но никто изъ нихъ, даже посреди самыхъ увлекательныхъ занятій и наблюденій, не могъ не замѣтить бѣдности и уничиженія народа, которымъ былъ окруженъ, не могъ не внять жалобамъ его на притѣсненія въ теченіи болѣе полустолѣтія другимъ сильнѣйшимъ племенемъ. — Г. Кастрену, посла́нному отъ Гельсингфорскаго Университета для изученія Финскихъ нарѣчій, въ особенности принадлежитъ заслуга, что онъ свѣдѣніями, собранными на мѣстѣ, подтвердилъ тѣ, которыя имѣло уже Министерство Государственныхъ Имуществъ отъ тамошняго начальства о дѣлаемыхъ Самоѣдамъ притѣсненіяхъ, и по которымъ только потому не приступало къ мѣрамъ рѣшительнымъ, что не имѣло положительныхъ данныхъ для основанія на нихъ своихъ распоряженій. Для собранія сихъ данныхъ, въ Іюнѣ 1844 года, Г. Министру Государственныхъ Имуществъ угодно было поручить мнѣ посѣтить край Самоѣдовъ и сдѣлать предположенія объ устройствѣ этого народа на будущее время во всѣхъ отношеніяхъ.

Въ группѣ лодочниковъ, гдѣ-нибудь подъ елкой расположившихся на ночлегъ вокругъ яркаго костра, и въ хатѣ богатаго Зырянина; на роскошныхъ водахъ Сѣвернаго Океана и въ смрадномъ чумѣ Самоѣда, вездѣ представлялись предметы новые, интересные для наблюденія: что, въ продолженіе полугодоваго пребыванія моего въ тундрѣ, успѣлъ я набросать на мѣстѣ, то и представляю здѣсь для прочтенія тѣмъ, кого занимаютъ подобные предметы; другіе же полюбуются изображеніемъ нѣкоторыхъ сценъ изъ жизни Самоѣдовъ — произведеніемъ бойкаго карандаша художника Г. Васильева и искуснаго рѣзца Г. Дерикера. — Для поясненія мѣстности прилагаю карту края въ томъ видѣ, въ какомъ можно составить карту безъ помощи инструментовъ и, скажу болѣе, только наглядкой; впрочемъ морскіе берега на ней вывѣрены по морской картѣ Гг. Литке, Иванова и Бережныхъ, а восточная часть тундры нанесена, по личномъ сношеніи съ авторомъ, съ карты Венгерскаго ученаго Г. Регули, болѣе двухъ лѣтъ путешествовавшаго по сѣверовосточнымъ и сѣвернымъ нашимъ губерніямъ, съ цѣлію изучить и сравнить между собою нарѣчія Финскихъ племенъ.

Желаю, чтобы описаніе мое возбудило хотя малое участіе къ горсти людей, которые подлинно достойны этого по жалкому своему положенію.

В. И.

I.

Топографическій очеркъ тундры.

осточная часть Архангельской губерніи, занимаемая Самоѣдами и поселившимися въ томъ краѣ Русскими и Зырянами, заключается между р. Мезенью и Уральскимъ хребтомъ и между границами Вологодской губерніи и водами Сѣвернаго Океана. Вся эта полоса извѣстна подъ общимъ названіемъ *Мезенской тундры*, которая по мѣстамъ кочевья Самоѣдовъ, подраздѣляется: на *Канинскую*, *Тиманскую* или *Тіунскую*, и *Большеземельскую тундры*.

Огромное это пространство, начиная съ южныхъ предѣловъ по направленію къ сѣверу, покрыто непроходимыми лѣсами, состоящими изъ ели, сосны, лиственницы, а ближе къ Уральскому хребту и кедра, но между 66 и 67° сѣверной широты лѣсъ мало-по-малу начинаетъ рѣдѣть и терять ростъ, сперва исчезаетъ сосна, потомъ лиственница, и остается одна только ель, и то уродливая и не болѣе, какъ въ высоту человѣка; кой-гдѣ виднѣется съ нею въ примѣси береза, но не стройная наша береза, а кривая, приземистая, съ верхушкою горизонтально-сбритою, какъ-бы рукою искуснаго садовника. Наконецъ лѣсъ исчезаетъ и открывается необозримое пространство тундры; по ней по близости рѣкъ разбросаны еще кой-гдѣ перелѣски, а у Хайпудырской губы и на Шемоховскихъ горахъ, даже близь морскаго берега, встрѣчаются группы мелкаго ельника, но онѣ почти незамѣтны на огромной сѣверной степи, гдѣ вообще кромѣ едва примѣтнаго ивняка на болотистыхъ мѣстахъ, не встрѣчаешь ни куста. Болѣе возвышенныя мѣста состоятъ изъ сухихъ кочекъ, покрытыхъ бѣлымъ мхомъ и лишаями, низменныя же водянымъ или краснымъ мхомъ; мѣста-

ми кочковатое пространство вдругъ пересѣкается болотомъ, поросшимъ осокою и мелкими травами и на протяженіи 50 или болѣе верстъ въ окружности образуетъ какъ-бы отличный лугъ.

Тундра представляетъ безпредѣльную степь, во многихъ мѣстахъ пересѣкаемую каменными горами и плоскими земляными возвышенностями; поперегъ Тиманской тундры, начиная отъ самой Вологодской губерніи, тянется гряда каменныхъ горъ, извѣстная подъ названіемъ *Чайцына* или *Тиманскаго камня,* котораго одна отрасль оканчивается Чайцынымъ мысомъ и образуетъ островъ *Колгуевъ,* а другая на Канинскомъ полуостровѣ снова появляется у *Микулкина мыса,* подъ названіемъ *Канинскаго камня,* гдѣ *Канинъ носъ* составляетъ сѣверовосточную его оконечность. Во многихъ мѣстахъ этой гряды находятъ слюду въ большомъ количествѣ, особенно на Микулкиномъ носу, а у рѣкъ Цыльмы и Космы даже серебряную руду. Дикій Чайцынъ и Канинскій камень представляетъ живописные виды, но лѣтомъ онъ часто покрывается густымъ туманомъ, а въ продолженіе осенняго и зимняго времени овѣвается сильными мятелями. На всемъ протяженіи идетъ въ па-

раллель съ Чайцынымъ камнемъ *известковая возвышенность,* въ которой кое-гдѣ находятъ довольно хорошую мѣдную руду и множество окаменѣлостей изъ царствъ растительнаго и животнаго, въ особенности при рѣкахъ, принадлежащихъ къ системѣ этихъ горъ, а окаменѣлыя морскія раковины, преимущественно находимыя по берегамъ Печоры, представляютъ еще неизгладившіеся слѣды нѣкогда бывшаго всесвѣтнаго переворота. По лѣвому берегу Канинской земли появляются посреди чистой безлѣсной тундры *земляныя Шемоховскія сопки,* поросшія мелкимъ ельникомъ, а вдоль всей Большеземельской тундры до самыхъ Уральскихъ горъ тянется *плоская земляная возвышенность,* усѣянная песчаными сопками, — любимое мѣсто жительства песцовъ. Возвышенность эта, извѣстная подъ общимъ названіемъ *Большеземельскаго* хребта, имѣетъ до пяти и болѣе верстъ въ ширину и служитъ водоемомъ множеству большихъ и малыхъ рыбныхъ озеръ, дающихъ начало рѣкамъ, изъ которыхъ однѣ бѣгутъ на югъ по направленію къ *Печорѣ* и притоку ея *Усѣ,* а другія стекаютъ къ морю. *Уральскій хребетъ* или, какъ его называютъ туземцы, *Каменный поясъ или Уральскій камень,* составляя предѣлъ

тундры, перерѣзываетъ ее во многихъ мѣстахъ отрогами и довольно щедро надѣляетъ водами, составляющими притоки Усы съ лѣвой стороны. Въ нѣсколькихъ мѣстахъ тундры, въѣхавъ непримѣтно на возвышенность, вдругъ встрѣчаешь моховыя пастбища, со всѣхъ сторонъ ограниченныя земляными хребтами: урочища сіи называются *Лаптою* или *Гладью* и ихъ на огромной Большеземельской тундрѣ только три: 1) *Колвинская Лапта*, 2) *Харнасъ-Лапта* или *Воронова Гладь* и 3) *Морская Лапта*, а въ Тиманской двѣ: *Малоземельская* и *Морская Лапта*. Это — *оазисы* тундры и единственныя по ней мѣста (кромѣ лѣсовъ), гдѣ еще сохранился мохъ въ потребномъ для оленя количествѣ. Легко себѣ представить, что на огромной равнинѣ, образуемой тундрою, вѣтеръ не встрѣчаетъ значительной преграды, вздымаетъ снѣгъ къ верху, крутитъ его и производитъ сильныя мятели или *пурги;* въ холодное время года, продолжающееся здѣсь болѣе 8-ми мѣсяцовъ, вѣтеръ болѣе или менѣе сильный, не прекращаетъ движенія своего по тундрѣ, — вся природа облечена тогда въ бѣлый саванъ и солнце лишь на короткое время появляется на горизонтѣ. Въ сильные холода вдругъ, посре-

ди ночной тьмы, небо ярко зажигается сѣвернымъ сіяніемъ, которое кружась огненными столпами, наводитъ ужасъ на туземцевъ; они явленіе это называютъ *сполохами*. Зато лѣтомъ вовсе нѣтъ ночи и посредствующія времена года, т. е. весна и осень, проходятъ почти непримѣтно: по мѣрѣ того, какъ солнце начинаетъ подниматься надъ небосклономъ, быстро разбѣгаются потоки рѣкъ, смываютъ съ тундры снѣжную кору и облекаютъ ее въ бѣлый и красный мохъ, кой-гдѣ украшенный осокою и тонкими болотными травами. Но это длится всего около четырехъ мѣсяцевъ и съ первыми морозами, въ концѣ Сентября, часто застываютъ рѣки и озера, и наступаетъ время мятелей и холодовъ.

II.

Постепенное заселеніе тундры.

выкшись съ пасмурнымъ небомъ и съ грустною природою Самоѣды мирно и безпечно кочевали по тундрѣ, пока не поселились въ ихъ владѣніяхъ *Русскіе* и *Зыряне* и съ удобствами осѣдлой жизни не возъимѣли желанія соединить и выгодъ кочевой. Съ тѣхъ поръ какъ они стали вторгаться въ тундру, начались безпрестанныя съ ними столкновенія и теперь соотечественники наши и Зыряне взяли такой верхъ надъ Самоѣдами, что не только племя Самоѣ-

довъ грозитъ навсегда исчезнуть, но Русскіе и Зыряне предъявляютъ даже давнее право свое на владѣніе тундрою.

Для доказательства, что Самоѣды прежде всѣхъ заняли тундру и должны почитаться коренными ея владѣтелями, разсмотримъ какимъ образомъ и въ какой постепенности три эти народа начали селиться въ тундрѣ и изложимъ право каждаго на нее.

Самоѣды. — Извѣстно, что въ древнія времена весь Сѣверъ Россіи заселенъ былъ народомъ *Чудью*, который платилъ дань Новгороду-Великому: о существованіи сего народа свидѣтельствуютъ даже слѣды ихъ жилищъ, на которыя и теперь еще указываютъ мѣстные жители и гдѣ нерѣдко находятъ обломки разной посуды, оружій и т. д. По неимѣнію письменныхъ памятниковъ нельзя ничего достовѣрнаго сказать о томъ, какимъ образомъ и когда Самоѣды заняли пространство между рѣкою Мезенью и Ураломъ; но что нынѣшніе Мезенскіе Самоѣды перекочевали изъ-за-Уральскаго хребта и суть единоплеменники Сибирскимъ Самоѣдамъ, кочующимъ у Березова, Обдорска и при берегахъ Лены и Оби — въ

томъ не можетъ быть никакого сомнѣнія, ибо не только между тѣми и другими мало различія въ правахъ, религіи и обычаяхъ, но и языкъ ихъ одинъ и тотъ же и они одинаково именуютъ себя *Нѣнецъ* (человѣкъ) и *Хасово* (мущина). Вѣроятно походъ *Татарскихъ* племенъ съ востока на западъ побудилъ Самоѣдовъ отдѣлиться отъ своихъ единоплеменниковъ и податься также болѣе на Западъ, но объ этомъ нигдѣ ничего не упомянуто: ни въ историческихъ актахъ, ни въ изустныхъ преданіяхъ, ни въ пѣсняхъ, ни въ сказкахъ ихъ о богатыряхъ. Достовѣрно однакожъ, что Самоѣды уже издавна владѣли тундрою: 1) въ XI-мъ уже столѣтіи встрѣчаемъ мы извѣстія о существованіи Самоѣдовъ у Нестора; въ лѣтописи, по письменному списку стр. 145 и 146 онъ говоритъ: «Се же хощу сказати, яже прежде сихъ четырехъ лѣтъ сказа ми Гуря Тогоровичъ, Новгородецъ: послахъ отрока своего въ Печору, людіе же суть дань дающе Нову-городу, и пришедъ отрокъ мой къ нимъ, оттуду иде въ Югрь; Югра же суть языкъ нѣмъ, и сосѣдятъ съ *Самоядью* на полунощныхъ странахъ.» 2) Жалобы, приносимыя Царямъ и Великимъ Князьямъ на притѣсненія, обыкно-

венно разрѣшались Высочайше жалованными грамотами. Такихъ грамотъ, присланныхъ въ Пустозерскій острогъ и жалованныхъ Самоѣдамъ для охраненія владѣній ихъ отъ захвата Русскихъ, по видимому было немало, но подлинники ихъ, находившіеся въ рукахъ Самоѣдовъ, мало-помалу истреблены, и списки съ нихъ въ 1791 году сгорѣли вмѣстѣ съ Пустозерскою Земскою избою и со всѣмъ древнимъ архивомъ Мезенскаго края. Только уцѣлѣли въ архивѣ Архангельскаго Губернскаго Правленія: а) Грамота, жалованная Канинскимъ и Тіунскимъ Самоѣдамъ Царемъ и Великимъ Княземъ Іоанномъ IV Васильевичемъ 1545 г. Апрѣля 15 дня, въ защиту отъ *Печорянъ* (Пустозеровъ) и *Пермяковъ* (Зырянъ), которые стали отбивать у Самоѣдовъ звѣриные и рыбные промыслы въ тундрѣ (*). б) Грамота въ Кевролу и на Мезень тамошнему Воеводѣ о томъ, чтобы Самоѣды Меншичко Апицынъ и товарыщы, и Семейко Вотѣевъ владѣли рѣками Индигою да Волонгою по прежнему 1651 г. Сентября 7 (**). в) Царская грамота Кеврольско-

(*) См. Акты Археографической Коммисіи Т. I, 201 стр. 182.
(**) См. Акты Археограф. Коммисіи Т. I, стр. 191.

му и Мезенскому Воеводѣ Воейкову объ оказаніи тамошнимъ Самоѣдамъ защиты отъ нападенія Югорскихъ и Лизовыхъ Самоѣдовъ, и о невзиманіи съ нихъ излишнихъ поборовъ 1688 г. Марта 10 (*). г) Двѣ грамоты, послѣдовавшія въ Пустозерскъ 1626 г. Августа 5 дня на имя Воеводы Волынцова и 1695 г. на имя Стольника Новосильцова. д) Переписи писцовъ Пустозерской Воеводской Канцеляріи 1564, 1574, 1601 и 1625 годовъ. и е) нѣсколько оброчныхъ записей. 3) въ Архангельской Казенной Палатѣ до 1835 года ежегодно составлялись, а съ 1835 г. и теперь еще въ Канцеляріи Архангельскаго Гражданскаго Губернатора чрезъ каждые три года составляются окладныя вѣдомости о числѣ ясачной подати, слѣдующей съ Самоѣдовъ, и изъ нихъ видно, что *съ самыхъ древнихъ временъ до нынѣ никто, кромѣ Самоѣдовъ, ясака за тундру не взносилъ и нигдѣ о подати, взимаемой за тундру съ Русскихъ или съ Зырянъ, не упоминается.* 4) Всѣ почти урочища въ Большеземельской тундрѣ носятъ названія, заимствованныя изъ языка Самоѣдовъ и большею частію составлены изъ

(*) Тамъ же IV, стр. 445.

прилагательнаго и словъ: *яга* (рѣка), *то* (озеро), *сѣда* (сопка), *соты* (хребетъ), и т. д. и только въ послѣднее время вмѣстѣ съ Зырянами появились въ тундрѣ и Зырянскія названія урочищъ, такъ что теперь нерѣдко рѣка, сопка или хребетъ называется Самоѣдскимъ именемъ и оканчивается словомъ *яга*, *сѣда*, *соты*, а между тѣмъ имѣетъ и *Зырянское* окончаніе на *ю* (рѣка), *мыльк* (сопка), *мусюръ* (хребетъ) и т. д.; но такихъ двойныхъ именъ очень мало и только употребляютъ ихъ Зыряне между собою, большая же часть урочищъ носитъ Самоѣдскія названія.

Приведенныхъ доказательствъ кажется достаточно, дабы убѣдить, что тундра есть давняя собственность Самоѣдовъ, тѣмъ болѣе, что ни Русскіе ни Зыряне, кромѣ оброчныхъ записей, и то потерявшихъ уже законную силу, никакихъ актовъ на владѣніе тундрою не имѣютъ.

Русскіе. — Теперь постараемся опредѣлить, кто тѣ пришельцы, которые поселились въ кочевьяхъ Самоѣдовъ и что побудило ихъ покинуть родину. По покореніи Сибирскихъ народовъ Московской Державѣ, для усмиренія ихъ и для сбора съ нихъ

ясачной подати, устроены были остроги, и по этому случаю *для* взиманія ясака съ Самоѣдовъ, на устьѣ Печоры возникъ *Пустозерскій острогъ;* въ послѣдствіи времени назначенъ былъ въ Пустозерскъ Воевода и дана ему Канцелярія, а самый острогъ служилъ мѣстомъ ссылки многимъ боярскимъ фамиліямъ, впавшимъ въ опалу Царскую. (*)

Послѣ Соборовъ, бывшихъ въ 1655 и въ 1667 годахъ въ Москвѣ при Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и при Патріархѣ Никонѣ, для повѣрки и исправленія древнихъ церковныхъ книгъ, возникли расколы и самые упрямые изъ старовѣрцевъ удалились въ сѣверный поморскій край, гдѣ построили себѣ часовни и скиты. Почти вся Мезенская страна заселилась этими выходцами изъ Новгорода-Великаго и Москвы, а вскорѣ присоединились къ нимъ толпы недовольныхъ нововведеніями Императора Петра I. Толпы эти усилились съ тѣхъ поръ, какъ въ Пустозерскѣ появился

(*) И теперь еще въ церкви во имя Св. Николая, хранится Евангеліе 1675 года съ подписью Князя Симеона и Княгини Пелагіи Щербатовыхъ 1727 года и образъ, принадлежавшій Князю Голицыну.

лжеучитель Аввакумъ; тѣло его предано тамъ сожженію, и теперь еще красуется надъ могилой осьмиконечный старообрядческій крестъ, — символъ спасенія для суевѣрныхъ жителей береговъ Печоры. При увеличеніи народонаселенія стали появляться по Печорѣ мелкія слободки, въ послѣдствіи времени образовавшія обширныя селы, соединенныя подъ общимъ названіемъ *Тельвисочной волости*. Богатые рыбные и морскіе звѣриные промыслы не могли не привлечь бойкихъ Пустозеровъ, а между тѣмъ будучи въ частыхъ сношеніяхъ съ кочующими сосѣдями своими — Самоѣдами, и вымѣнивая у нихъ на необходимыя потребности жизни, а частію и на вино, олепьи шкуры и разный пушной товаръ, не могли промышленники не исчислить всѣхъ выгодъ, происходящихъ для нихъ отъ этой мѣны и возъимѣли весьма естественное желаніе — сами заняться оленеводствомъ и воспользоваться всѣми промыслами по тундрѣ.

Такимъ-же образомъ и Мезенскіе мѣщане и крестьяне поселились слободками по рѣкамъ и озерамъ Канинской и Тиманской тундръ.

Зыряне. — Грамотою Царя и Великаго Князя Іоанна IV Васильевича, данною въ 22 день Апрѣля 1554 года Новгородцу Слободчику Ивашкѣ Ласткѣ, повелѣвалось ему называть разныхъ людей и слободками селиться по Печорѣ и притокамъ ея. Соотечественники Ластки не замедлили явиться, и вскорѣ, при стеченіи рѣкъ Цыльмы и Печоры, образовалась *Усть-Цылемская* волость, а нѣсколько лѣтъ позже *Зыряне,* выходцы изъ Яренскаго уѣзда, Вологодской губерніи, начали, по приглашенію Ластки, селиться по рѣкѣ Ижмѣ, впадающей въ Печору и положили начало основанію нынѣшней *Ижемской волости.* Къ нимъ присоединилось нѣсколько Новгородцевъ, а въ послѣдствіи времени 7 семействъ Самоѣдовъ вздумали разстаться съ кочевою жизнью и вступить въ число осѣдлыхъ жителей Ижемской волости. — Такимъ образомъ образовалось народонаселеніе этой волости, которое, по мѣсту обитанія на рѣкѣ Ижмѣ, извѣстно стало подъ общимъ наименованіемъ *Ижемцевъ;* пожелавъ, при увеличеніи народонаселенія имѣть на владѣніе землею собственныя свои, отдѣльныя права отъ крестьянъ Устьцылемской волости, Ижемцы исходатайствовали себѣ грамоту

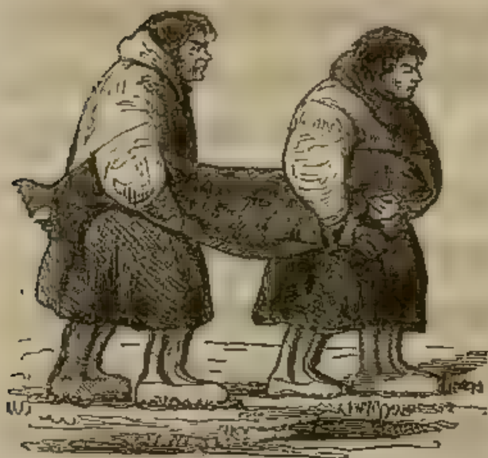
отъ Царя и Великаго Князя Михаила Өеодоровича, пожалованную имъ чрезъ Иванку Бабикова въ 1627 году, которая была подтверждена въ послѣдствіи такою же грамотою Царя и Великаго Князя Алексѣя Михайловича, жалованною въ 12 день Мая 1649 года чрезъ Өильку Семенова. — Долгое время Ижемцы имѣли занятія, свойственныя жителямъ осѣдлымъ: расчищали лѣса подъ пашни, пользовались богатыми приpѣчными лугами и выгоднымъ рыболовствомъ въ Печорѣ и Ижмѣ, но когда кочующіе близь новой волости Самоѣды вступили съ ними въ сношеніе и стали на добычу звѣринаго промысла вымѣнивать у нихъ предметы, необходимые въ домашнемъ быту, то смѣтливые Зыряне, по примѣру Пустозерскихъ крестьянъ, сами мало-помалу начали обзаводиться оленями, однако не свыкнувъ еще съ кочевой жизнью и съ оленеводствомъ, не осмѣливались вступать въ тундру, а предоставляли пастьбу оленей опытнымъ въ семъ дѣлѣ Самоѣдамъ. Замѣтивъ непомѣрную страсть дикихъ Самоѣдовъ къ горячимъ напиткамъ, Зыряне не замедлили воспользоваться этою слабостью, чтобы посредствомъ вина постепенно обогатиться на счетъ Самоѣдовъ и увеличить

стада свои, и, когда они успѣли въ этомъ и научились у кочевыхъ жителей, какъ обходиться съ оленями, то сами стали ходить въ тундру, и перешедши за *Печору* и *Усу*, ежегодно все болѣе и болѣе распространяли оленеводство. Приблизившись къ родовымъ мѣстамъ кочевья Самоѣдовъ, и наконецъ дойдя до хребтовъ, главнаго мѣсто-пребыванія песцовъ и лисицъ и до обильныхъ рыбою озеръ и рѣкъ, Зыряне въ то время, когда Самоѣды удалялись къ морю, разрывали песцовыя и лисьи норы, облавливали рыбу, и несвоевременною и небрежною пастьбою, отаптывали мхи по тундрѣ. Съ этихъ поръ не только число оленей Самоѣдовъ видимо стало уменьшаться, но и прежніе хозяева стадъ мало-по-малу начинали переходить въ работники къ Ижемцамъ и Пустозерамъ, такъ что теперь въ рукахъ Самоѣдовъ едвали осталась 1/7 всего числа оленей, пасущихся по всей Мезенской тундрѣ; а сами Самоѣды, по большей части или живутъ въ пастухахъ при стадахъ оленей Зырянъ и Русскихъ, или же изъ-милостыни скитаются по ихъ селамъ; остальные же, со всѣхъ сторонъ тѣснимые крестьянами, безпечные отъ природы, страстно преданные горячимъ напит-

камъ, явно стремятся къ тому-же жалкому положенію, въ которое впали родовичи ихъ, и только строгія мѣры со стороны Правительства могутъ еще спасти эту горсть полу-дикаго народа отъ неминуемой гибели. Для обсужденія съ одной стороны, какъ легко было смѣтливымъ Зырянамъ и бойкимъ Новогородцамъ поработить себѣ безпечныхъ и недальновидныхъ Самоѣдовъ, съ другой, какіе слѣды оставило это между туземцами, представимъ очеркъ нравовъ и обычаевъ ихъ.

III.

Домашній бытъ, оленеводство и промышленность.

ародъ, самою природою обреченный скитаться по дикимъ пустынямъ Сѣвера, по необходимости долженъ былъ избрать себѣ и родъ жилища, соотвѣтствующій бродячей жизни и соединяющій въ себѣ два главныхъ условія: предохранять отъ стужи и непогодъ и быть удобопереносимымъ. Олень, столь необходимый для жителя тундры, и въ этомъ случаѣ оказался ему полезнымъ: изъ шкуры его Самоѣдъ сдѣлалъ себѣ жилище и назвалъ его *мя, мядико* или *мякана;* (по Русски

чумъ). — Чумъ есть ничто иное, какъ конусообразный шатеръ, составленный изъ длинныхъ жердей — нижніе концы ихъ на нѣкоторомъ другъ-отъ-друга разстояніи вбиваются въ землю и образуютъ кругловатое основаніе шатра, верхніе же крестообразно связываются вмѣстѣ; лѣтомъ покрышка состоитъ изъ бересты, а зимою изъ нѣсколькихъ, вмѣстѣ сшитыхъ оленьихъ шкуръ: одно одѣяло обкладывается вокругъ шестовъ шерстью внизъ, другое же шерстью вверхъ: верхнее называется *нюкъ,* (Сам. *нѣ*), а нижнее *поднючье* (Сам. *мюйко*); сверху чума оставляется отверстіе для дыма. Разбивъ такой чумъ въ полчаса или даже въ менѣе времени, Самоѣдка (это занятіе всегда возложено на женщинъ) начинаетъ помышлять о удобствѣ своего дома: изнутри и извнѣ укладываетъ она его землею и мхомъ, а зимою снѣгомъ, полъ для предохраненія отъ сырости и стужи устилаетъ коврами, сплетенными изъ прутьевъ березы и метляка, на ковры накидываетъ оленьи шкуры, а стѣны чума убираетъ иногда подушками; боковое отверстіе, или если можно назвать это дверь (по Сам. *не*), завѣшивается оленьей же шкурой, и всегда оставляется подъ вѣтромъ; мѣсто же противъ

не, т. е. противоположное входу, называется *синикуй:* оно для нихъ мѣсто священное и служитъ хранилищемъ лучшихъ вещей и самыхъ лакомыхъ съѣстныхъ припасовъ; никакая Самоѣдка или — какъ называютъ ихъ Русскіе *инька* — не смѣетъ переступить чрезъ синикуй: это значило-бы опоганить святыню, и онѣ такъ строго чтутъ этотъ обычай, что рѣдко случается, чтобы инька погрѣшила противъ него: оно было-бы вѣрнымъ предзнаменованіемъ какой-нибудь бѣды, и конечно послѣ этого промыселъ былъ бы неудаченъ или же въ слѣдующую ночь волкъ зарѣзалъ-бы нѣсколько оленей въ стадѣ; одно средство для предохраненія себя въ такомъ случаѣ отъ бѣды — бросить въ синикуй горящій уголекъ, такъ какъ «огонь все очищаетъ.» Вообще, по понятіямъ Самоѣдовъ, женщина почитается столь нечистою, что опоганиваетъ всякую вещь, чрезъ которую переступитъ: веревка-ли она, топоръ-ли, оленья-ли шкура и т. д. все дѣлается нечистымъ и непремѣнно должно быть окурено или верескомъ или, что еще дѣйствительнѣе, оленьимъ саломъ. Женщина и у крещеныхъ Самоѣдовъ считается нечистою, но они мало-по-малу отстаютъ отъ обычая окуривать опоганенныя

вещи, въ синикуй же хотя и ставятъ образъ, но особенной святости этому мѣсту не приписываютъ въ томъ предположеніи, что «когда есть образъ въ чуму, то всякое мѣсто свято.»

Займемся еще устройствомъ самаго чума: въ немъ недостаетъ главной принадлежности Самоѣдскаго жилища — неугасаемаго огня; онъ разводится на самой срединѣ чума подъ верхнимъ отверстіемъ, въ который выходитъ дымъ, на особо устраиваемомъ возвышеніи или-же на желѣзномъ листѣ, который нагрѣваясь, долѣе сохраняетъ въ чумѣ теплоту; самый естественный при этомъ вопросъ: какое топливо имѣютъ Самоѣды въ чистой тундрѣ? Ничего, кромѣ сыраго мелкаго ивняка, вереска или березника, который болѣе тлѣетъ, чѣмъ горитъ и не столько грѣетъ, какъ дымится. По обѣ стороны огня, въ направленіи отъ *не* къ синикую, укладываются двѣ доски, а надъ огнемъ въ томъ-же направленіи укрѣпляются на двухъ шестахъ, *(ти)*, идущихъ поперегъ чума, крюки *(на)*, къ которымъ привѣшиваются котлы для варенія пищи. — Вотъ образецъ всякаго чума и чумъ богатаго хозяина отъ чума бѣднаго отличается или только большимъ объемомъ или тѣмъ,

что для покрыши его и для устилки болѣе употребляется оленьихъ шкуръ, но въ сущности нѣтъ никакого различія: вездѣ единообразіе — войдите въ любой чумъ и повсюду найдете вы одну-и-ту-же сцену по срединѣ тлѣетъ огонекъ, по чуму стелется дымъ, мущины, съ сложенными на крестъ ногами, усѣвшись въ кружокъ, вперили въ огонь безсмысленный взглядъ, тутъ-же грѣются собаки и грязные, и при самой сильной стужѣ, голые ребятишки, а нинька молча чинитъ малицу или сучитъ нитки изъ оленьихъ жилъ. Жалко и вмѣстѣ съ тѣмъ отвратительно быть въ чумѣ — нестерпимый дымъ и въ высшей степени неопрятность, часто заставляютъ, съ непривычки, выходить изъ чума даже въ самую дождливую и холодную погоду, но по-немногу начинаешь свыкаться съ этимъ образомъ жизни, къ неопрятности становишься равнодушнѣе и наконецъ, когда послѣ нѣсколькихъ дней странствованія, не встрѣтивъ по тундрѣ ни жилаго мѣста, ни живаго существа, завидишь издали дымящійся чумъ или, въ ночное время, услышишь запахъ дыма или лай собакъ при оленьемъ стадѣ, то и грязный чумъ представится пріятнымъ и спокойнымъ убѣжищемъ. При всемъ не-

сложномъ устройствѣ своемъ, чумъ приноситъ кочующимъ сѣвернымъ жителямъ большую пользу и весьма хорошо защищаетъ ихъ отъ частыхъ дождей въ весеннее и лѣтнее, и отъ сильныхъ мятелей въ осеннее и зимнее время, такъ что всѣ предположенія, сдѣланныя на счетъ лучшаго устройства этихъ жилищъ, какъ напримѣръ введеніе употребленія въ нихъ оконъ или трубъ, никогда не будутъ имѣть примѣненія, тѣмъ болѣе, что Самоѣдъ, взросшій въ суровомъ климатѣ, такъ сроднился съ стужей и ураганами, что лучше сноситъ самый сильный морозъ, чѣмъ комнатную теплоту, и мнѣ случалось, почуя иногда въ довольно холодныхъ избахъ, и не иначе, какъ въ оленьей шубѣ, видѣть, какъ вожатые мои Самоѣды, одинъ за другимъ выходя изъ избы, оставались на дворѣ и проводили ночь — кто скорчившись на саночкахъ, а кто просто развалившись на снѣгу. Только тѣ Самоѣды, которые находятся въ частыхъ сношеніяхъ съ Русскими и смолоду привыкли къ избамъ, не чувствуютъ той тягости, которую ощущаютъ тундряные жители, и даже, по примѣру Русскихъ, ходятъ въ баню, на что коренной Самоѣдъ никогда-бы не могъ рѣшиться; онъ даже рѣдко и моется,

между тѣмъ какъ крещеный Самоѣдъ, намочивъ въ водѣ или сунувъ въ снѣгъ мочалку, утромъ или предъ обѣдомъ иногда утираетъ себѣ руки и лице, но и то рѣдко, чаще же всего по мѣсяцамъ оставляетъ на себѣ слои грязи и копоти. Вообще представить себѣ трудно опрятнаго Самоѣда или Самоѣдку, начиная съ того, что мущины, вмѣсто рубахи, зимою и лѣтомъ носятъ на голомъ тѣлѣ *малицу,* родъ мѣшка съ рукавами, съ двумя отверстіями сверху и снизу, сдѣланную изъ оленьей шкуры шерстью къ тѣлу. Одежда эта не только удобна *для* Самоѣда тѣмъ, что и свойствомъ и покроемъ своимъ предохраняетъ его отъ гибельнаго дѣйствія быстрыхъ измѣненій въ температурѣ сѣвернаго климата, но и тѣмъ, что дешева и прочна; но такъ какъ малица дѣлается мездрою вверхъ, которая, по нѣжности своей, легко повреждается и корчится отъ сырости, то многіе надѣваютъ на нее, въ лѣтнее время, еще рубашку изъ тику или сермяги, а осенью и зимою, *для* тепла особый родъ одежды съ каппшономъ изъ оленьей—же шкуры, но шерстью вверхъ: одежда эта называется *совикъ.* Многіе носятъ круглыя шапки *(сова* по Сам.) изъ шкуръ молодыхъ оленей, но

большею частію Самоѣды почти круглый годъ не покрываютъ головы и только въ большія стужи или мятели натягиваютъ капишонъ на голову: не этому-ли обыкновенію приписать то обстоятельство, что между ними очень рѣдко встрѣчаешь безволосыхъ стариковъ? Самоѣды Канинской и Тиманской тундръ, по близости къ Мезени и Печорскимъ селеніямъ, будучи болѣе въ сношеніи съ Русскими, переняли отъ нихъ нѣкоторые обычаи и, такъ сказать, болѣе обрусѣли, чѣмъ Большеземельскіе тундряные Самоѣды: многіе изъ нихъ носятъ въ лѣтнее время рубахи Русскаго покроя, большею частію суконныя и подпоясываютъ ихъ широкими кожаными поясами (по Сам. *ни),* украшенными мѣдными пуговицами и бляхами, что составляетъ особый родъ щегольства. Самоѣды, съ малолѣтства живущіе въ работникахъ у Русскихъ, носятъ простыя холстяныя рубахи даже подъ малицей, но это происходитъ отъ того только, что они живутъ уже осѣдло; кочующимъ же Самоѣдамъ невозможно держать у себя бѣлья: гдѣ его хранить, гдѣ сушить въ осеннее и зимнее время при безпрестанномъ перекочевываніи съ мѣста на мѣсто? Къ тому-же, отъ вѣчнаго дыма и нечисто-

ты въ чуму, они принуждены-бы были часто мѣнять бѣлье, но для этого они и слишкомъ безпечны, да большею частію и слишкомъ бѣдны и многіе рады, рады когда имѣютъ чѣмъ укрыться съ семействомъ своимъ отъ стужи. Замшевые штаны у мущинъ и женщинъ *(пьюе* или *пимъ)*, длинные чулки шерстью внизъ *(липты)*, лѣтомъ и въ сырое время года большіе кожаные сапоги *(бахилы)*, а въ зимнее — узорчатые *пимы*, *(піувве)*, шерстью вверхъ и еще родъ мѣховыхъ котиковъ — *тоборы* или *тобоки*, составляютъ нижнюю одежду и обувь Самоѣда. Женская одежда и обувь не многимъ разнится отъ мужской: рубахи у нихъ еще въ меньшемъ употребленіи, чѣмъ у мущинъ — онѣ ихъ вовсе не носятъ, — совика также не имѣютъ, но дѣлаютъ себѣ, вмѣсто рубахи, особый родъ одежды шерстью внизъ, называемый *янды,* а по Русски *яндица* или *паница*, украшаютъ эту одежду узорами изъ бѣлыхъ и темныхъ оленьихъ лапокъ *(камусы)*, опушаютъ ее волчьимъ, лисьимъ и собачьимъ мѣхомъ, а богатыя даже соболемъ и бобромъ *(панды)* и нашиваютъ на нихъ разноцвѣтные суконные лоскутки и маленькіе погремушки, которыми увѣшиваютъ также огромныя шапки и пимы-общій впро-

чемъ вкусъ всѣмъ полунким Сибирскимъ племенамъ. Одежду эту шьютъ однѣ Самоѣдки и въ этомъ онѣ мастерицы: простую оленью шкуру онѣ скоблятъ сначала особымъ инструментомъ, называемымъ *язей,* потомъ мнутъ ее руками и наконецъ натираютъ мукой: вотъ въ чемъ состоитъ все приготовленіе оленьей шкуры или, какъ называютъ ее въ тамошнемъ краѣ, оленьей *постели;* ее кроятъ, и нитками, ссученными изъ оленьихъ жилъ, шьютъ прочную и красивую, въ своемъ родѣ, одежду. Волосы Самоѣдки заплетаютъ, по Русски, въ двѣ косы, къ которымъ привѣшиваютъ красные и желтые суконные лоскуточки и ленты яркихъ цвѣтовъ, въ ушахъ носятъ серьги, а иныя на шеѣ бусы и разнаго рода ожерелье; ферроньеры также въ большемъ употребленіи и обыкновенно состоятъ изъ металлическихъ цѣпочекъ, у богатыхъ даже и серебряныхъ, опутываемыхъ въ нѣсколько рядовъ вокругъ головы. — Русскіе и Зыряне, доставляющіе имъ этотъ товаръ, пользуются ихъ слабостію и разумѣется берутъ за все въ три-дорога, а Самоѣдки, даже и бѣдныя, не могутъ отказать себѣ въ удовольствіи увѣшаться красными и желтыми суконцами и звонкими побрякуш-

ками; но малодушіе, показываемое ими въ этомъ отношеніи извинительно, и вполнѣ замѣняется другими качествами, необходимыми въ хозяйствѣ: онѣ весьма заботливы и трудолюбивы и по этому на нихъ лежитъ все домохозяйство: пока мужья и братья находятся на промыслахъ или же, возвратившись съ нихъ, безпечно отдыхаютъ въ чуму, женщины чистятъ посуду, пекутъ хлѣбъ и готовятъ пищу, а въ свободное время занимаются выдѣлкою оленьихъ шкуръ и шитьемъ разнаго рода одежды; но всей мелкой домашней работы не перечесть — довольно того сказать, что Самоѣдку рѣдко можно увидѣть безъ дѣла и главное ея желаніе, послѣ труднаго промысла, утолить голодъ сожителя своего и угодить его вкусу; что впрочемъ довольно легко, — стоитъ только подать ему сыраго мяса и рыбы какъ можно въ большемъ количествѣ, ибо трудно представить себѣ, сколько Самоѣдъ въ состояніи съѣсть всего этого.

Пища Самоѣдовъ состоитъ изъ хлѣба, оленьяго мяса, свѣжей и соленой рыбы, дикихъ птицъ и ягодъ. Хлѣба они немного употребляютъ, и сколько приблизительно можно было узнать, приходится на человѣка не болѣе какъ по 8-ми пудовъ въ

годъ, такъ какъ имъ не составляетъ большей разницы — ѣсть-ли оленье мясо и рыбу съ хлѣбомъ или безъ хлѣба. Лѣтомъ они заквашиваютъ тѣсто, но зимою, за неимѣніемъ теплаго мѣста для закваски, довольствуются и прѣснымъ хлѣбомъ, пекутъ же его намазывая тѣсто тонкимъ слоемъ на узенькую дощечьку, вершка въ два ширины, которую повертываютъ у огня какъ на вертелѣ до тѣхъ поръ, пока тѣсто подрумянится. Но что для Самоѣдовъ замѣняетъ всякую другую пищу и сдѣлалось, можно сказать, необходимымъ — это *оленье мясо.* Они употребляютъ его вареныкъ, сушенымъ и жаренымъ, но всегда и всему предпочитаютъ сырое, дымящееся оленье мясо и теплую кровь только что убитаго оленя. Чтобы вполнѣ оцѣнить это, надобно быть свидѣтелемъ того ряда наслажденій, которыми сопровождаются какъ приготовленіе къ бою оленя, такъ и самое съѣденіе животнаго: это какъ праздникъ въ чуму: ребятишки, вобравъ руки въ малицу, отъ радости прыгаютъ и бѣгаютъ вокругъ жертвы, иньки молча стоятъ въ ожиданіи приказаній мужей и отцовъ, мущины, какъ главные распорядители, кто держитъ оленя за рога, кто стоитъ съ ножемъ, а самъ

хозяинъ, вѣрною рукою, обухомъ ударяетъ животное въ темя: тутъ сей-часъ бросаются на него, рѣжутъ ему горло и перевязываютъ большую кровяносную жилу, потомъ вонзаютъ ножъ въ сердце, но такъ, чтобы вся кровь осталась во внутренности, съ теплаго еще, вполовину сдираютъ шкуру, и наконецъ разрѣзываютъ его по всѣмъ правиламъ Самоѣдской анатоміи. Начинается кровавый пиръ: хозяинъ, и если случатся, почетные гости берутъ себѣ самые лакомые кусочки т. е. сало со спиннаго хребта, почки и филей, обмакиваютъ ихъ въ горячую кровь и около самаго рта, вверхъ къ носу, отрѣзываютъ куски ножемъ съ искуствомъ непостижимымъ; другіе же гложатъ кости и ребра, и запиваютъ все это теплою кровью. Бѣдныя иньки приступаютъ къ трапезѣ послѣ всѣхъ и должны довольствоваться объѣдками; несъѣденное же мясо оставляютъ въ запасъ, сложивъ его въ сяникуй.

Самоѣды не гнушаются ѣсть и падаль и всѣ старанія мѣстнаго Православнаго Духовенства не могли еще вполнѣ искоренить этого обычая, ибо онъ существуетъ у Самоѣдовъ по бѣдности ихъ. Доказательство тому, что богатые рѣдко употребляютъ

падаль, обѣднѣвшіе же Самоѣды, не имѣя почти другаго средства пропитанія, не могутъ уже теперь покинуть отвратительной этой пищи. *Рыба,* послѣ оленьяго мяса, составляетъ вторую основную пищу Самоѣдовъ, и еслибъ Русскіе и Зыряне не отбивали у нихъ промысловыхъ мѣстъ и они имѣли-бы достаточно снастей и соли, то конечно могли-бы запастись рыбою на цѣлый годъ съ избыткомъ, но всѣ промысловыя мѣста у нихъ или отняты или они не имѣютъ средствъ завестись нужными матеріалами, а потому употребляютъ мало рыбы въ пищу, и то большею частію уже прокислую и распространяющую невыносимый запахъ. Самоѣды употребляютъ ее въ разныхъ видахъ: вяленую, вареную, жареную и просто сырую, въ послѣднемъ видѣ всего болѣе. Тундра изобилуетъ *дикими птицами* всякаго рода: дикими гусями и утками, лебедями, бѣлыми куропатками, гагарами и разными болотными птицами; лѣса же тетеревами и рябчиками, которыхъ Самоѣды, въ соленомъ видѣ, употребляютъ въ пищу, но вообще мало запасаются всякаго рода пищею — многіе потому, что кочевая жизнь представляетъ имъ въ этомъ отношеніи большія неудобства, но большею

частію по врожденной уже безпечности своей. Самоѣдъ ѣстъ, пока имѣетъ еще что ѣсть, не думая о будущемъ; когда же придетъ время голодать, то онъ садится къ огню и въ полусонномъ положеніи плюетъ въ него, помышляя о томъ, какъ-бы помочь горю; когда дня чрезъ два голодъ возметъ свое, то онъ ловитъ изъ стада оленя, зарѣзываетъ его и забываетъ о всемъ прошедшемъ, пока не постигнетъ его новая невзгода: тогда онъ идетъ просить помощи у богатаго родовича или милостыни у крестьянъ. — Самоѣды охотники также до лакомствъ и кромѣ ягодъ: брусники, сссихи (*), голубели и въ особенности вкусной, крупной морожки, которыми въ лѣтнее время усѣяна тундра, зажиточные изъ нихъ покупаютъ въ Русскихъ селеніяхъ пряники, шаньги (лепешки изъ ячменной муки) кедровые орѣхи, изюмъ и разныя другія сладости. Русскій промышленный духъ познакомилъ Самоѣдовъ и съ Китайскимъ чаемъ, и у нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ говорятъ, водится чайный погребецъ со всѣмъ нужнымъ приборомъ. До всего молочнаго, въ особенности же до топленаго масла, ко-

---

(*) Empetrum nigrum.

торос они глотають кусками, они такъ жадны, что прокатиться 40 или 50 верстъ за этими лакомствами для Самоѣда — сущая прогулка. Странно сказать, но къ пищѣ ихъ можно отнести, нѣкоторымъ образомъ, и *табакъ* какъ листовой, такъ и тертый, который они жуютъ съ большимъ удовольствіемъ, высыпая его прямо изъ оленьяго рожка за нижнюю губу и на языкъ; впрочемъ они и нюхаютъ его охотно, и обыкновенно Самоѣдъ, понюхавши или пожевавъ табачку, передастъ рожекъ или тавлинку сосѣду, а тотъ далѣе и табакъ переходитъ изъ рукъ въ руки и изъ устъ въ уста; я еще не видѣлъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ отказался отъ этого зелья: старый, малый, женщины, дѣвки всѣ нюхаютъ табакъ, а курятъ его весьма немногіе, и то изъ особенно-устроенныхъ трубочекъ изъ мамонтовой кости, въ которыя входитъ не болѣе щепотки табаку.

Къ необходимымъ условіямъ существованія кочующаго жителя тундры безъ сомнѣнія должно отнести *оленеводство*. Оно замѣняетъ Самоѣду всякое другое хозяйство, а потому при Самоѣдскомъ чумѣ вы не увидете никакого другаго животнаго, кромѣ *оленя* и *собаки*, необходимой при стадѣ.

Въ тундрѣ безъ оленя нельзя быть, и безъ него Самоѣдъ—нищій; безъ оленя не могло-бы существовать на Сѣверѣ кочевой жизни, а потому животное это совершенно располагаетъ образомъ жизни своего хозяина. Единственная пища его зимо́ю—бѣлый мохъ (Cenomyce rangiferina) и лишаи, лѣтомъ—трава и бѣлый же мохъ; былъ-бы оленю этотъ кормъ, болѣе не требуется за нимъ никакого ухода и никакого присмотра, ибо стадо пускается просто на волю и только въ ночное время, и то когда предстоитъ опасность отъ волковъ, хозяева ставятъ къ стаду караульщиковъ. Олень объѣдаетъ только верхнюю, пушистую часть мха и все болѣе и болѣе удаляется отъ чума по мѣрѣ того, какъ мохъ начинаетъ убывать:—тогда это признакъ, что время перемѣнить мѣсто *(ямдать)* и съ этимъ начинаются приготовленія къ перекочевкѣ: все добро, чумовые нюки и шесты складываютъ иньки на сани, а мущины спускаютъ собакъ, обыкновенно привязанныхъ къ санямъ и особеннымъ крикомъ даютъ имъ знать, чтобы они загнали къ чуму оленей; собаки эти весьма остры и понятливы и хотя походятъ сложеніемъ на шавокъ, но составляютъ особый отъ нихъ родъ. Это

весьма полезное для Самоѣда животное, и не только необходимо при оленьемъ стадѣ, но и нужно ему для мѣха, которымъ женщины опушаютъ шапки и панды на паницахъ; отъ волковъ однако-же, по слабости своей, охранить оленя не въ состояніи. Странно видѣть, какъ олени боятся и слушаются этихъ маленькихъ собаченокъ, которыя съ лаемъ и тявканьемъ пускаются на нихъ и полукругомъ пригоняютъ стадо прямо къ чуму; на рога оленей, предназначенныхъ въ упряжку, Самоѣды меткою рукою, на всемъ бѣгу, набрасываютъ арканъ или *тынзей* и рѣдко даютъ промахъ, или же загоняютъ стадо на протянутую веревку (техническое выраженіе *еркомать*) и на свободѣ выбираютъ и впрягаютъ въ сани столько, сколько нужно оленей. Цѣлымъ караваномъ тянется тогда все семейство по тундрѣ какъ лѣтомъ, такъ и зимою въ саняхъ, и нигдѣ нѣтъ имъ преграды: ѣдутъ прямо на какой нибудь опредѣленный пунктъ по кочкамъ, по кустамъ, по трясинѣ, и вездѣ есть проѣздъ. Этому способствуетъ какъ самое строеніе тѣла оленя, такъ и умно-придуманная упряжь и устройство саней Самоѣдскихъ: раздвоенныя широкія копыта стройнаго и легкаго

оленя, поддерживаютъ его на поверхности болота и отъ этого олень рѣдко просядаетъ даже въ самой жидкой трясинѣ, сани же будучи поставлены на широкихъ, далеко другъ-отъ-друга отстоящихъ полозьяхъ и такимъ образомъ, что копылья къ низу все болѣе и болѣе расходятся, также почти не вязнутъ въ болотѣ, и можно сказать, скользятъ по поверхности; вся же упряжь состоитъ изъ лямки *(подеръ)*, надѣваемой на шею оленя, и придѣланной къ ней постромки *(сса)*, которая проводится оленю между ногъ и та-же постромка, будучи продѣта въ двѣ, прикрѣпленныя къ санямъ чурки *(неаче)* посредствомъ другой, подобной же лямки, надѣвается и второму на шею. Кто хочетъ пощеголять, впрягаетъ въ сани четверню или даже шесть одношерстныхъ оленей и самыми красивыми почитаются бѣлые; въ такомъ случаѣ дѣлаются въ упряжи нѣкоторыя незначительныя измѣненія. Всѣ четыре и даже болѣе оленей управляются только одною возжею, *(мметыине)*, привязываемой къ головѣ лѣваго или передоваго оленя *(неэнземиде)*; если одинъ изъ нихъ залѣнится и менѣе потянетъ другаго, то непремѣнно ударится задомъ объ сани, такъ какъ для двухъ оленей дѣлается одна

постромка, и тогда вожатый понуждаетъ его въ спину или въ ляжку *хареемъ*, (по Сам. *тюръ*) — длиннымъ березовымъ шестомъ съ костянымъ набалдашникомъ на одномъ, и заостреннымъ желѣзомъ на другомъ концѣ. Этотъ экипажъ есть единственный-возможный въ тундрѣ и лучше ничего нельзя было придумать: одно это изобрѣтеніе свидѣтельствуетъ уже о способностяхъ Самоѣда къ механическимъ работамъ. Вѣрное, соображеніе Самоѣда еще болѣе обнаруживается при самыхъ переѣздахъ по тундрѣ: въ зимнее время, когда все подернуто бываетъ бѣлою пеленою, какимъ образомъ направить путь къ извѣстному пункту? Говорятъ, что есть на это у нихъ особыя примѣты по направленію вѣтровъ, по расположенію снѣжныхъ струй, по образованію самаго снѣга, который подергивается ледяною корою съ той стороны, съ которой дуютъ холодные вѣтры, и т. д., но на все это требуется особый навыкъ и инстинктъ. Часто случается, что въ сильную мятель, когда едва видишь предъ собою оленей, Самоѣдъ сбившись съ прямаго пути, тотчасъ-же замѣтитъ это и старается или по вѣтру припомнить дорогу или же ложится на землю и высматриваетъ сугр...

снѣга, а въ ночную пору расположеніе звѣздъ, которыя они очень умѣютъ распознавать, даже такъ, что начало дня считаютъ съ того времени, когда надъ верхнимъ отверстіемъ чума покажется созвѣздіе большой медвѣдицы (*лось* въ сѣверномъ парѣчіи). Когда Самоѣды отыскиваютъ чумъ, и уже близко находятся отъ него, но по причинѣ наступившей ночи не могутъ отыскать его, то дѣлаютъ большой кругъ около того мѣста, пока попадутъ на вѣтеръ: тогда олень, почуявъ запахъ дыма, заносимаго изъ чума вѣтромъ, оборачивается въ ту сторону головой и тѣмъ какъ бы указываетъ вожатому куда направить путь. Обыкновенная ѣзда на оленяхъ, какъ на волахъ, весьма медленная, да и какая возможность ѣздить скоро по кочкамъ; но когда приходится ѣхать по рѣкѣ или по дорогѣ, мѣстами промятой по тундрѣ, и если къ тому-же выставлены на нѣкоторомъ другъ отъ друга разстояніи чумы, то ѣдешь весьма скоро ровною, дробною рысью, такъ, что на однихъ оленяхъ, не кормя, можно уѣхать въ продолженіи полусутокъ отъ 80 до 100 верстъ, давъ оленямъ только перехватить снѣгу и духу на каждыхъ 7 или 10 верстахъ; такое семи-

верстное разстояніе называется *малымъ Самоѣдскимъ духомъ*, а 10 верстное — *большимъ духомъ*. Особенную способность показываетъ Самоѣдъ при выборѣ мѣста, гдѣ полагаетъ стать чумомъ: при этомъ онъ соображается и съ положеніемъ мѣста, удобнымъ для стоянія, и съ свойствомъ мха, — все тонкости, неуловимыя для осѣдлаго жителя, и эти-то качества дѣлаютъ, что хозяинъ Русскій или Зырянинъ въ оленеводствѣ не можетъ обойтись безъ работника — Самоѣда, между тѣмъ какъ самое оленеводство весьма несложно и находится въ дикомъ, можно сказать, состояніи, не такъ какъ у Кольскихъ Лопарей, гдѣ олень сдѣлался домашнимъ животнымъ, добываютъ изъ него молоко и сыръ, и оленеводство составляетъ нѣкоторымъ образомъ хозяйство; здѣсь, напротивъ того, олень родится, живетъ и издыхаетъ безъ всякаго старанія, безъ всякаго присмотра человѣка и только убитый приноситъ пользу мясомъ и шкурой, пока же дышетъ употребляется только для ѣзды, и то самая малая часть оленей.

Вотъ нѣкоторыя подробности о жизни оленя и о приносимой имъ выгодѣ: весною олени телятся и въ продолженіи года молодые олени называются *телятами*,

а на слѣдующую весну самецъ получаетъ названіе *лоншака,* а самка *сырицы;* на третью весну самецъ некладеный называется *хорой,* кладеный *быкомъ,* а самка *важенкою* и въ это время и, рѣдко ранѣе, начинаетъ телиться. Въ отношеніи же къ шерсти теленокъ, въ теченіи мѣсяца, называется *пыжикомъ,* а потомъ *неблюемъ;* въ Августѣ *маличной постелью,* а въ Октябрѣ *телячьей постелью.*

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ по рожденіи, на всякаго оленя кладутъ *клеймо,* вырѣзывая его ножемъ на бедрѣ и на ушахъ. У каждаго хозяина есть свое *клеймо,* которое переходитъ изъ рода въ родъ, но у родныхъ братьевъ дѣлаются нѣкоторыя измѣненія въ клеймахъ. Самоѣды Большеземельской тундры и Зыряне имѣютъ клейма фантастическія, какъ напримѣръ:

Ж *Пусіо-Мальцыевъ,* роду Лаптандеръ-Тыссіи.

Т *Хемгора,* роду Выучей.

К *Тагана,* роду Логей.

Но у Русскихъ и у Самоѣдовъ Тиманской и Канинской тундръ, какъ имѣющихъ болѣе сношенія съ Русскими, клейма большею частію именныя:

СК *Степанъ Коськовъ.*
ФС *Федоръ Соболевъ.*
ПМ *Петруха Марюевъ.*
ИА *Иванъ Апицынъ.*

Эти-же самыя клейма употребляются ими и при рукоприкладствѣ.

Теленокъ, хотя и шатко, начинаетъ ходить въ тотъ самый день какъ родится, но если въ продолженіи недѣли станутъ ямдать, т. е. перемѣнять мѣсто, то часто случается, что слабые телята отстаютъ отъ матокъ и погибаютъ. Разумѣется хозяинъ стада въ такомъ случаѣ не станетъ спѣшить переходомъ, но иногда беззащитный Самоѣдъ принужденъ бываетъ это сдѣлать, когда Ижемцы, чтобы занять лучшее мѣсто, съ огромными стадами своими, нагрянутъ на маленькое стадо Самоѣда и подъ предлогомъ будто ему легче ямдать и менѣе потребно мху, сгоняютъ съ занятаго уже мѣста. Тогда отъ усталости телята нерѣдко издыхаютъ; но еще болѣе по той причинѣ, что для теленія лучшее мѣсто весною есть окраина лѣсовъ, гдѣ снѣгъ ранѣе станваетъ, чѣмъ внутри лѣса; но такъ какъ многочисленныя стада Ижемцевъ весною занимаютъ обыкновенно все простран-

ство по границѣ лѣсовъ отъ тундры, то Самоѣдамъ остается только выходить на открытую тундру или болѣе углубляться во внутренность лѣсовъ, но въ лѣсахъ въ это время года снѣгъ бываетъ такъ глубокъ и покрытъ такою жесткою корою, что подъ нимъ не только молодому теленку, но и старому оленю почти невозможно добыть корму; въ чистой же тундрѣ не перестаютъ еще бушевать сильныя мятели (*пурга* или *хадъ* по Сам.), самыя гибельныя для молодыхъ оленей. Это одна изъ причинъ, почему такъ незначителенъ теперь приплодъ оленей въ стадахъ Самоѣдовъ, и почему, напротивъ, такъ размножились стада Ижемцевъ. Олень — *лоншакъ* не бываетъ плодливъ, и годенъ для приплода только тогда, какъ сдѣлается *хорой*, самки же, даже *сырицами*, начинаютъ иногда телиться. На стадо въ 100 оленей можно положить, что оставляютъ 50 *хоръ*, а *пэжалыхъ быковъ* до 100 головъ; число быковъ совершенно однакожъ зависитъ отъ того, держитъ-ли кто оленей для убоя или болѣе для перевозки товаровъ. Въ Іюнѣ и Іюлѣ олени начинаютъ мѣнять шерсть, въ Августѣ скоблятъ мохнатые рога, а въ Октябрѣ по большей части скидываютъ ихъ, и въ продолженіи

всей зимы остаются безъ роговъ; *важенки-же* начинаютъ терять рога только послѣ перваго теленка. — Олени подвержены бываютъ разнымъ болѣзнямъ, отъ которыхъ случаются частые падежи: весною, отъ свѣжей травы, дѣлается у нихъ *внутренняя болѣзнь* и многіе изнемогаютъ отъ поноса; въ Іюлѣ и началѣ Августа страдаютъ они отъ *копытной болѣзни;* въ Сентябрѣ и Октябрѣ, во время сырой осенней погоды, часто происходятъ у оленей *головныя болѣзни:* дождь, стекая по рогамъ, мочитъ голову — отъ этого темя сперва прѣетъ, а при внезапномъ переходѣ къ стужѣ, мерзнетъ голова. Къ болѣзнямъ можно причислить и насѣкомыхъ, которыя заводятся въ шкурѣ оленя и жестоко безпокоятъ его; они называются *ґграми,* (личинки овода Oestrus Tarandi), но бываютъ опасны только тогда, когда покажутся въ горлѣ. Всѣ эти болѣзни Самоѣды ничѣмъ не лечатъ и только копыта, во время воспаленія, примачиваютъ скипидаромъ; отъ того и случаются у нихъ, хотя и рѣдко, но весьма сильные падежи, какъ напримѣръ лѣтъ 10 тому назадъ у Тиманскихъ Самоѣдовъ, гдѣ за одинъ разъ въ стадѣ погибало по 500 головъ, что было причиною общаго ихъ обѣдненія, отъ

котораго они до сего времени никакъ не могутъ оправиться. **Послѣ** сильныхъ мятелей и болѣзней, довольно значительное опустошеніе производятъ въ оленьихъ стадахъ *волки,* которые гурьбами слѣдуютъ за стадами и нигдѣ не отстаютъ отъ нихъ; они тѣмъ болѣе опасны, что не довольствуются въ одну ночь однимъ или двумя оленями, но рѣжутъ ихъ цѣлыми десятками вдругъ, особенно-же въ темныя ночи, во время глубокихъ снѣговъ. **Никакія** мѣры не помогаютъ противъ этого алчнаго и хитраго звѣря: въ капканъ онъ рѣдко идетъ, потому что очень чутокъ и съ осторожностію приближается къ тѣмъ предметамъ, къ которымъ прикоснулась рука человѣка; шариковъ изъ оленьяго сала или тѣста, напитанныхъ сулемою или мышьякомъ, бросаемыхъ для отравы ихъ по тундрѣ, онъ также не беретъ; маленькой Самоѣдской собаки не боится, напротивъ того случается, что онъ и ее растерзываетъ; если же волкъ видитъ, что къ норѣ его приближается стадо, то онъ не прячется тотчасъ въ нору, какъ лисица и песецъ, но обходитъ ее, чтобы тѣмъ не показать, гдѣ находится нора и отвлечь отъ нее людей; но если разъ стадо стоитъ при норѣ, то онъ

изъ него не троцетъ ни одного оленя, а пойдетъ промышлять далѣе ко второму или третьему стаду для того, чтобы не открыли и не разрушили норы его. Въ Самоѣдскихъ стадахъ волкъ производитъ болѣе опустошенія, чѣмъ въ Ижемскихъ потому, что Самоѣды, ставши чумомъ, оставляютъ стада свои на произволъ и не стерегутъ ихъ, частію по безпечности и лѣни, а болѣе еще по той причинѣ, что волкъ только перегрызаетъ горло оленю и сосетъ кровь, а потомъ бросаетъ его, подравъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ шкуру, такъ что мясо остается все цѣло, а Самоѣду совершенно все равно — ѣсть мясо убитаго-ли или задавленнаго оленя. — Ижемецъ на это смотритъ съ совершенно-другой точки: занимаясь оленеводствомъ какъ промышленникъ, старающійся извлечь наибольшую изъ промысла выгоду, онъ имѣетъ всегда въ виду бить оленя на мясо въ самую пору, а не предоставляетъ это произволу, тѣмъ болѣе, что и шкура достается ему не цѣльная, но во многихъ мѣстахъ попорченная, иногда даже совершенно въ клочкахъ; къ тому-же Зырянинъ не станетъ ѣсть мясо зарѣзаннаго волкомъ оленя, а отдаетъ его въ пищу работнику своему — Самоѣду, но разу-

мѣстся предоставлять ему всякаго оленя, наконецъ станетъ Ижемцу невыгодно, потому что хозяинъ — Зырянинъ хотя и рѣдко даетъ лучше этой пищу работнику своему — Самоѣду, но у него уже разсчитано количество мяса, которое онъ, безъ убытка для себя, можетъ отпускать работнику, а такимъ образомъ онъ по неволѣ принужденъ дать ему болѣе пищи, чѣмъ слѣдовало-бы. Отъ этого, по ночамъ, при большомъ Ижемскомъ стадѣ бываетъ по 4 и по 5 караульщиковъ, которые криками, трещетками и ружейными выстрѣлами не только не подпускаютъ къ стаду волковъ, но и пугаютъ тѣмъ и другаго звѣря; хозяева очень строго наблюдаютъ за этимъ.

Слѣдуетъ еще упомянуть о врагахъ оленя — *оводахъ* и *комарахъ*. Нельзя себѣ представить того множества комаровъ, которое бываетъ въ лѣтнее время въ тундрѣ, въ особенности въ лѣсистой ея части: жители волостей, для предохраненія себя отъ этихъ злыхъ насѣкомыхъ, надѣваютъ на голову во время *страдной поры,* — какъ на Сѣверѣ называютъ время уборки сѣна, — родъ капишона изъ холста съ волосяною сѣткою на лицѣ, *(куколь* или *комарникъ);* даже въ этой покрышѣ бываетъ отъ комаровъ не-

стерпимо — можно себѣ представить какъ они должны безпокоить нѣжнаго оленя, особенно же во время жаровъ, и еще вмѣстѣ съ оводами. Тогда все стадо съ хрипомъ бѣгаетъ вокругъ чума и вскорѣ превращаетъ моховое мѣсто въ грязь; въ предупрежденіе этого, на лѣто отгоняютъ стада къ морю, ибо чѣмъ далѣе отъ лѣсовъ, тѣмъ становится прохладнѣе и начинаютъ мало-по-малу исчезать несносные комары и оводы, но если оставаться на лѣто въ лѣсахъ, какъ это дѣлаютъ собственно *лѣсовые Самоѣды,* никогда не выходящіе въ тундру, или не въ дальнемъ отъ лѣсовъ разстояніи, то остается одно средство — окуривать оленя верескомъ или краснымъ болотнымъ мхомъ. Такъ Самоѣды и дѣлаютъ, но Ижемцы, при первоначальномъ обзаведеніи, дѣйствовали совсѣмъ иначе: они, имѣя еще немного оленей, которыхъ пасли на чужой землѣ, покрытой превосходнымъ бѣлымъ мхомъ, не брали большихъ предосторожностей, а становились для рыбнаго промысла при озерахъ и рѣкахъ неподалеку отъ окраины лѣсовъ, и именно при тѣхъ мѣстахъ, къ которымъ Самоѣды лѣтомъ боялись подходить, чтобы не отоптать мохъ и приберечь ихъ къ осени и къ зимѣ; къ

тому-же, когда олени начинали кружиться, то хотя и окуривали ихъ, но безъ различія, какъ краснымъ болотнымъ, такъ и бѣлымъ мхомъ, а какъ извѣстно, бѣлый мохъ составляетъ почти единственную пищу оленя. Дѣйствуя такимъ образомъ они, при увеличеніи стадъ, непримѣтно дошли до того, что теперь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ обильныхъ мѣстъ, вовсе почти не стало мху на открытой тундрѣ, а бѣлый мохъ, разъ выбитый, какъ полагаютъ, не прежде выростаетъ, какъ по прошествіи 30 лѣтъ; при огромныхъ же Ижемскихъ стадахъ, наполняющихъ тундру въ лѣтнее время, нѣтъ и надежды, чтобы безъ измѣненія теперешняго образа кочевья, мохъ когда-либо выросъ. Они и сами видятъ это и не довольствуются по этому Большеземельскою тундрою, а переходятъ уже нѣсколькими стадами и за Уральскій хребетъ къ Сибирскимъ Остякамъ и въ Тиманскую тундру, гдѣ, по малочисленности оленей, болѣе всего сохранилось мху; когда-же, для промысловъ, Ижемцы принуждены бываютъ оставаться при озерахъ и хребтахъ, то отсылаютъ стада свои къ морю и оставляютъ при себѣ самую малую часть оленей, которыхъ держатъ тогда на привязи,

окуривая ихъ краснымъ мхомъ. Вотъ какое вліяніе незначительныя, по видимому, насѣкомыя имѣютъ на цѣлый край: этимъ объясняется, почему открытая тундра до самаго моря, въ лѣтнее время, не менѣе нужна для оленеводства, какъ и лѣса зимой для спасенія оленей отъ сильныхъ мятелей, бушующихъ по тундрѣ; почему оленеводство требуетъ такого обширнаго пространства, и по какой причинѣ, еслибъ Ижемцы не присвоили себѣ большей части Самоѣдскихъ оленей, и пользовались тундрою одни только Самоѣды, мохъ никогда не былъ-бы вытоптанъ. Къ тому-же Ижемецъ совершенно иначе смотритъ на тундру, нежели Самоѣдъ: одинъ, какъ осѣдлый житель, видитъ въ ней только средство къ обогащенію, другой — единственный способъ къ существованію; Ижемецъ быстро проходитъ по тундрѣ и то только въ лѣтнее время, когда олень также охотно питается травою, какъ и мхомъ, къ зимѣ же возвращается ближе къ селамъ, гдѣ въ лѣсахъ подъ снѣгомъ мху вдоволь, потому что лѣтомъ никто въ тѣхъ мѣстахъ не кочуетъ; Самоѣду же тундра такъ-же нужна зимою, какъ и лѣтомъ, ибо ему далеко въ лѣса незачѣмъ ходить, а онъ весну, лѣто,

въ Москву. Остановя отрядъ на *Тверской,* Генералъ поскакалъ къ Иверской Божіей Матери для переговоровъ; но его захватили и привели въ Кремль къ Маршалу *Мортье.* Нашъ Генералъ жаловался за задержаніе его вопреки законовъ войны. Маршалъ отвѣчалъ: »дѣлать нечего? Я долженъ спасать своихъ. Отсутствіе ваше приведетъ вашихъ въ недоумѣніе; а я, между тѣмъ, выйду съ моими безопасно.« При взрывѣ подъ Кремлемъ, Маршалъ двинулся въ походъ въ Калужскую заставу на Воробьевы горы и далѣе.

Приписка.

Удивительный жребій, прибавляю здѣсь, ожидалъ и Маршала Мортье. Онъ вышелъ изъ Москвы; прошелъ подъ зимними бурями за рубежа Россіи, и въ роковой часъ палъ на стогнахъ Парижскихъ при мирномъ осмотрѣ войскъ; палъ отъ руки *Фіески,* который также былъ и въ Россіи и въ пожарныхъ развалинахъ Москвы. Что за переходы въ нашемъ вѣкѣ!

Обращаясь къ разказу. Взрывъ части Кремля, былъ въ сожженной Москвѣ, ужаснымъ часомъ свѣта преставленія. »Но,

въ Тиманской тундрѣ	4,140
въ Канинской тундрѣ	6,035
	10,175

Съ недавняго времени начали переходить въ Тиманскую тундру три стада Ижемскихъ крестьянъ числомъ до 3,000 оленей.

Всего . . 13,175 оленей.

Да сверхъ того кочуютъ по лѣсамъ, за границею Канинской и Тиманской тундръ, 6-ть хозяевъ изъ крестьянъ Лебской волости, Пинежскаго округа, и имѣютъ до 1,000 оленей.

2) Число душъ Самоѣдовъ Канинской тундры составляло въ 1843 году муж. п. 410
жен. — 416
всего 826

но свѣдѣнія эти неполны.

Въ Тиманской тундрѣ:

прожив. въ домахъ въ дер. Сулѣ	муж.	5
	жен.	8
		13
въ чумахъ	муж.	407
	жен.	456
	всего	863

По свѣдѣніямъ 1844 года:

Въ Большеземельской тундрѣ приходится:

на 11,404 душ. Русскихъ и Зырянъ муж. и жен. п.
оленехозяевъ 330 душъ,
оленей 136, 148 головъ;
а на 3,202 души Самоѣдовъ разныхъ вѣдомствъ муж. и женск. п.
оленехозяевъ до 1,800 душъ,
оленей до 30,000 головъ.
Числа эти показываютъ:

1) Что самая малая только часть Русскихъ и Зырянъ обзавелась оленями, а что остальные 11,074 души занимаются или рыболовствомъ по рѣкѣ Печорѣ и притокамъ ея или же хлѣбопашествомъ и скотоводствомъ.

2) Что оленехозяева Русскіе и Зыряне гораздо богаче надѣлены оленями, чѣмъ Самоѣды, такъ что на каждаго хозяина — Русскаго или Зырянина приходится круглымъ числомъ по 412 головъ, между тѣмъ какъ на каждаго Самоѣда едва только по 17.

3) Что немного болѣе половины всего народонаселенія Самоѣдовъ Большеземельской тундры (1,800 душъ) имѣетъ оленей,

но что прочіе Самоѣды (1,402 души) или вовсе не имѣютъ ихъ, или же только самую малую часть, которыхъ пасутъ вмѣстѣ со стадами Пжемцевъ и Русскихъ, нанимаясь у нихъ въ работники, или же скитаются по-міру, прося насущнаго хлѣба.

По офиціальнымъ свѣдѣніямъ 1844 года извѣстно, что число работниковъ изъ Самоѣдовъ у оленеводцевъ Русскихъ и Зырянъ простирается:

	хозяевъ.	работниковъ.		дѣтей.	
		Муж. п.	Жен. п.	Муж. п.	Жен. п.
у крестьянъ *Тельвисочной волости*	33				
Большеземельской тундры	—	86	53	12	19
Тиманской	—	14	9	1	3
Канинской	—	13	8	1	1
Всего	33	113	70	14	23
у крестьянъ *Устьцылемской волости*	7				
Большеземельской тундры	—	7	6	2	2
Тиманской	—	2	2	1	3
Всего	7	9	8	3	5
у крестьянъ *Пжемской волости*	88				
Большеземельской тундры	—	159	118	52	51
Тиманской	—	10	10	2	4
Канинской	—	2	2	1	1
Всего	88	171	130	55	56

	хозяевъ.	работниковъ.		дѣтей.	
		Муж. п.	Жен. п.	Муж. п.	Жен. п.
у крестьянъ волостей: *Лампожекской*, *Лебской* и *Лешуконской*, *Мезенскаго уѣзда*	19				
Большеземельской тундры	—	1	1	»	»
Тиманской	—	28	22	3	»
Канинской	—	11	12	1	2
	19	40	35	4	2
А всего . .	147	333	243	76	86

Изъ этой вѣдомости видно:

1) Что изъ 330 хозяевъ Русскихъ и Зырянъ, 147 имѣютъ только при стадахъ своихъ постоянныхъ работниковъ изъ Самоѣдовъ, а что остальные, свыкшись уже теперь съ оленеводствомъ, сами, или съ помощію родственниковъ своихъ, пасутъ стада.

2) Что на 1,402 души Самоѣдовъ, не имѣющихъ оленей, приходится обоего пола работниковъ (съ дѣтьми), заключившихъ съ хозяевами письменныя или словесныя условія, и получающихъ отъ нихъ постоянное содержаніе 576 человѣкъ, и при нихъ малолѣтныхъ 162 души, а вмѣстѣ 738 обоего пола душъ, а что остальные 664, живутъ частію въ работникахъ у Мезенскихъ

мѣщанъ, или въ чумахъ около селъ и городовъ и имѣютъ кой-какую отъ крестьянъ работу; а дѣти, дряхлые старики или неспособные нищенствуютъ.

5) Что самая большая часть работниковъ — изъ Самоѣдовъ Большеземельской тундры, но что къ крестьянамъ Печорскихъ волостей перешли въ работники даже и Самоѣды Тиманской и Канинской тундръ.

Содержаніе, получаемое работникомъ — Самоѣдомъ отъ хозяина весьма неопредѣленно: оно зависитъ частію отъ способностей работника, частію отъ образа занятія и наконецъ отъ числа душъ семейства его. Обыкновенно въ условія съ работникомъ входитъ уплата за него ясака въ казну, и продовольствованіе его и семейства пищею и одеждою. Пищу получаетъ работникъ, разумѣется, самую дурную: зарѣзанныхъ волкомъ или палыхъ оленей, гнилую или мелкую рыбу, которая въ тамошнемъ богатомъ краѣ не имѣетъ ни какой цѣнности; а на одежду или лоскутья, остающіеся отъ шитья малицъ на семейство хозяина и на продажу, или поношенныя платья; такъ что содержаніе работника, натурою, хозяину — Русскому или Ижемцу не составляетъ большаго расхода, кромѣ хлѣба,

котораго впрочемъ Самоѣды, какъ мы видѣли, употребляютъ не много. Чѣмъ болѣе дѣтей и дряхлыхъ въ семействѣ работника, тѣмъ болѣе сбавляетъ хозяинъ ему въ наличной платѣ, потому-что тогда идетъ болѣе содержанія пищею и одеждою на семейство его. Изъ условій, заключенныхъ хозяевами съ работниками — Самоѣдами видно, что плата наличными деньгами составляетъ: 2,427 руб. 59½ коп. серебромъ, назначенныхъ 576 работникамъ со стороны 147 хозяевъ, такъ что хозяинъ въ сложности условился платить 1 работнику по 4 руб. 21¾ коп. сер. въ годъ; наибольшая плата, какую хозяинъ соглашается дать самому способному работнику, никогда не превышаетъ 15 и много 18 руб. сер. въ годъ. Но эти деньги рѣдко достаются Самоѣду въ руки: обыкновенно хозяинъ умѣетъ такъ устроить, что къ концу расчета работнику или ничего не приходится получить, или же самую малость изъ назначенной платы, снабжая его и семейство въ продолженіе года лишнею пищею или одеждою, сверхъ положеннаго въ условіи, виномъ, табакомъ, разными вещами и бездѣлушками, и насчитывая потомъ на него долгъ, разумѣется

ведетъ насъ за собою. Будемъ и мы въ числѣ его провожатыхъ. Суворовъ *обвивалъ* славою штыки Русскіе въ странѣ древнихъ Римлянъ; кажется, что они въ сіяніи той же славы блеснутъ и въ предѣлахъ древней *Галліи.* Наша запасная *молодежъ* не уступитъ полкамъ дѣйствующимъ. Духъ Русскій скоро обстрѣливается и созрѣваетъ подъ свистомъ пуль и градомъ картечнымъ.«

Думаю, что великодушнаго Полковника нѣтъ въ живыхъ. Онъ уже 1812 года богатъ былъ и лѣтами доброй жизни и ранами. Но доколѣ не кончится наше земное странствіе, онъ будетъ жить въ сердцахъ моего семейства.

Въ Арзамасѣ прочиталъ я первое печатное извѣстіе объ освобожденіи Москвы отъ плѣна нашествія. Въ тѣхъ же Московскихъ Вѣдомостяхъ помѣщенъ былъ и рескриптъ, данный мнѣ за любовь къ отечеству, за дѣянія и сочиненія. Я пламенно любилъ отечество; но еслибъ 1812 года и не горѣла бы эта любовь въ сердцѣ моемъ, то она запылала бъ отъ жаркихъ и повсемѣстныхъ проявленій самоотреченія; и — признаюсь, что *вѣсть о Москвѣ* заполонила во мнѣ все то, что могло мнѣ напомнить о личности моей.

*

и безстрашенъ; при всемъ томъ хозяинъ не вознаграждаетъ его по заслугамъ, зная, что бѣдственное положеніе, въ которое онъ привелъ Самоѣда, во всякомъ случаѣ заставитъ его обратиться къ нему-же. Иные изъ нихъ, удержавши десятка два, три оленей и нанимаясь къ Русскимъ и Зырянамъ въ работники, пасутъ своихъ оленей вмѣстѣ съ хозяйскими и, получая жалованье, могли-бы кой-какъ поправиться, но такъ несамостоятельны и въ такую ставятъ себя отъ хозяевъ зависимость, что рѣдко выходятъ отъ нихъ богаче, чѣмъ когда вступили; чаще же случается, что утрачиваютъ даже прежнее достояніе свое, и дѣлаются тогда бременемъ родовичей или отправляются въ одну изъ волостей или даже по городамъ просить милостыню и изъ-за-куска хлѣба заниматься кой-какими мелкими работами. Тогда говорится про Самоѣда, что онъ *«живетъ или сидитъ на ѣдомъ.»* Такихъ Самоѣдовъ, лишенныхъ олецеводства, а тѣмъ и способа пропитывать себя по тундрѣ, встрѣчаешь не только по всѣмъ почти Печорскимъ и Мезенскимъ селамъ, но и при самыхъ городахъ: Мезени, Пинегѣ, Холмогорахъ, и даже Архангельскѣ; число ихъ простирается, по приблизительнымъ

свѣдѣніямъ, до 394 человѣкъ, состоящихъ изъ 96 семействъ, но ихъ конечно болѣе. Они стоятъ обыкновенно вокругъ селъ и городовъ чумами, другіе же до того обѣднялп, что и чума не имѣютъ, а изъ-за-работы позволяютъ имъ Русскіе, на время, жить въ избахъ, а Зыряне до зимы въ замшевыхъ заводахъ Ижемской волости; съ окончаніемъ же работы ихъ выгоняютъ изъ жилыхъ избъ, а съ наступленіемъ зимы, и вмѣстѣ съ тѣмъ занятій въ заводахъ, лишаютъ послѣдняго крова. Тогда они идутъ просить ради-Христа и скитаются изъ избы въ избу или ищутъ убѣжища отъ стужи у бѣдныхъ-же родовичей своихъ, которые, кромѣ ветхой оленьей покрыши, сами никакого пристанища не имѣютъ. Повѣсть о прошедшемъ у всѣхъ одна: всѣ они или сами или отцы ихъ имѣли оленей, которые перешли разными способами къ Русскимъ и Зырянамъ: все это еще свѣжо въ ихъ памяти и они ясно указываютъ на лица, на время, на мѣсто, гдѣ лишились достоянія своего, видятъ имущество свое въ рукахъ другихъ и не представляютъ себѣ возможности когда-либо получить его. Между ними есть такіе, у которыхъ Зыряне и Русскіе грабежемъ отняли оленей,

или насильно за старые и новые долги; большею же частію это дряхлые, больные или малолѣтные и слабыя жены, мужья которыхъ служатъ въ работникахъ у Русскихъ или Зырянъ, а семейства свои покинули на произволъ судьбы. Это совершенно нищіе, и если нѣкоторые изъ нихъ и сохранили еще чумъ, но не имѣя ни оленей, ни снастей, ни оружія лишены всякаго средства идти въ тундру и промысломъ искать себѣ пропитанія. Русскіе и Зыряне до того презираютъ ихъ, что не почитаютъ ихъ равными себѣ, а обидѣть и обобрать бѣднаго Самоѣда, набожный и суевѣрный Печорскій житель никакъ не считаетъ грѣхомъ. Однимъ словомъ: это истинные Паріи Сѣвера.

Еслибъ представлялись имъ постоянныя занятія въ селахъ и городахъ, то они хотя и бѣдно, но могли-бы существовать и не терпѣть голодъ и холодъ, но занятія приходятъ имъ только временно и обыкновенно состоятъ въ шитьѣ теплой оленьей одежды или выдѣлкѣ оленьихъ шкуръ, а въ лѣтнее время, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ еще родится хлѣбъ, нанимаютъ женщинъ для полевыхъ трудовъ, а мущинъ для домашнихъ крестьянскихъ работъ и для рыбныхъ

и морскихъ звѣриныхъ промысловъ. Во всѣхъ этихъ работахъ они отличаются особенною ловкостію и отважностію, и нянька такъ-же искусно управляетъ серпомъ, какъ и иглой, а Самоѣдъ такъ-же ловокъ съ топоромъ въ рукахъ, какъ и отваженъ на тюленьемъ промыслѣ или въ борьбѣ съ моржемъ и бѣлымъ медвѣдемъ. Отъ того всякій хозяинъ и цѣнитъ работника — Самоѣда, и старается удержать его при себѣ и можно сказать, что безъ Самоѣда, Пустозерецъ не отважился-бы пуститься въ легкомъ карбасѣ на моржевый промыселъ къ Вайгачу или Новой-Землѣ. Самоѣдъ отваженъ, потому что не цѣнитъ жизнь: она не представляетъ ему ни радости, ни утѣшенія.

Такимъ образомъ Русскій или Ижемскій оленехозяинъ, кромѣ постоянныхъ своихъ работниковъ, всегда, за самое ничтожное содержаніе, можетъ найти временную помощь въ нищихъ Самоѣдахъ. Многіе Ижемцы разсчитывая на то, что зимою, когда возвратятся въ волость изъ тундры, найдутъ работниковъ и работницъ для шитья оленьей одежды на продажу, вовсе не нанимаютъ или менѣе нанимаютъ Самоѣдовъ для пастбы стадъ своихъ, а пасутъ ихъ

сами, иные, кочуя по тундрѣ съ женами и дѣтьми, другіе же разставаясь съ ними до зимы. Они дѣлаютъ это еще и изъ предосторожности, чтобы не быть обмануты пастухами, какъ имѣютъ живой примѣръ въ сосѣдяхъ своихъ, крестьянахъ *Устьцылемской,* а частію и *Пустозерской* волости, которые, владѣя въ прежніе годы значительными стадами оленей, теперь имѣютъ ихъ весьма немного, потому именно, что предоставляли оленей своихъ въ полное распоряженіе пастуховъ — Самоѣдовъ, которые переклеймивали ихъ и передавали соотечественникамъ своимъ, представляя хозяевамъ, что олени или пропали безвѣсти или погибли отъ волковъ; потому во всякомъ Ижемскомъ стадѣ живетъ теперь или самъ хозяинъ или кто нибудь изъ родственниковъ его. Многіе изъ нихъ, для надзора за стадами, для убоя скота, для складки товаровъ и для выгоднаго торга съ Самоѣдами, самовольно завели даже въ нѣсколькихъ мѣстахъ тундры поселенія, состоящія изъ двухъ, трехъ и болѣе избъ. Обыкновенно избы эти ставятся при лучшихъ озерахъ или рыбныхъ рѣкахъ, и въ нихъ Ижемецъ живетъ цѣлымъ семействомъ. Тогда окрестныя озера и рѣки онъ почитаетъ въ един-

ственномъ своемъ владѣніи: стадо въ зимнее время пасется тутъ-же не вдали, работники промышляютъ на него песцовъ и лисицъ, другіе — рыбу въ такомъ множествѣ, какое себѣ представить трудно, а осенью, во время убоя скота, бѣднѣйшіе изъ Самоѣдовъ подходятъ къ избамъ и, изъ-за крови или внутренности животнаго, помогаютъ хозяину бить оленей. Вскорѣ потомъ являются и тѣ Самоѣды, которые хотятъ сбыть какой нибудь промыселъ и тогда, за пушной товаръ, Ижемецъ снабжаетъ ихъ хлѣбомъ, оленьимъ мясомъ, солью, порохомъ, табакомъ, виномъ и т. д. а еслибъ представилась нужда, то и разноцвѣтными сукнами, ножами, топорами, сулемою, сассапарильнымъ корнемъ, (Ижемцы употребляютъ его отъ всѣхъ болѣзней) чаемъ, сахаромъ, кедровыми орѣшками и проч. такъ какъ они весь этотъ товаръ держатъ для выгодной мѣны съ Самоѣдами. Обыкновенно все это сбывается имъ, по крайней мѣрѣ, вдвое дороже противъ настоящей цѣны и дается въ долгъ до слѣдующей осени, а нерасчетливый Самоѣдъ этого-то и желаетъ, и лучше согласится дать за товаръ дороже, но только чтобъ повѣрили ему въ долгъ, чѣмъ выплатить

чистыми деньгами, даже тогда, когда и имѣетъ ихъ лишнія.

Вотъ интересные образчики мѣны Ижемцевъ съ Самоѣдами:

напримѣръ за ½ пуда соли Ижемецъ беретъ съ Самоѣда оленью шкуру или бѣлаго песца, т. е. за вещь стоящую 35 коп. сер. отъ 1 р. до 1 р. 15 коп. сер. или за 1 пудъ муки, 3 песца т. е. за 85 коп. сер. 3 руб. сер. или за 5 пуда масла, по 7 коп. сер. фунтъ, беретъ 14 песцовъ, т. е. за 8 р. 40 коп. сереб. 14 руб. сер. Это все факты, которые доказываютъ, какъ выгодны Ижемцамъ сношенія съ Самоѣдами.

Такъ какъ избы поставлены на лучшихъ моховыхъ мѣстахъ, или при озерахъ и рѣкахъ, которыхъ Самоѣды, возвращаясь къ лѣсамъ, миновать не могутъ и гдѣ по этому бываетъ наибольшее ихъ стеченіе, то они, имѣя нужду въ необходимѣйшихъ потребностяхъ жизни и увѣрены будучи, что все это получатъ въ Ижемскихъ избахъ, поневолѣ выходятъ къ нимъ, какъ къ центру мѣновой торговли. Такимъ образомъ Ижемецъ держитъ Самоѣда въ совершенной отъ себя зависимости и ведетъ его къ окончательному разоренью, и только когда въ тундрѣ нечего уже дѣлать, и Самоѣды,

сбывъ сколько было промыслу, разбредутся кто по лѣсамъ, кто по волостямъ, тогда и Ижемцы начнутъ, около Рождества, нагружать бочки рыбою и оленьимъ мясомъ, складывать на сани шкуры, замшу, оленій волосъ и длинными караванами потянутся къ Ижмѣ; такіе обозы называются: *аргиши* и по этому говорятъ *ѣхать аргишами.* Тронувшись съ разныхъ пунктовъ, они съѣзжаются наконецъ на большой дорогѣ, (извѣстной подъ Зырянскимъ названіемъ *ворга),* проложенной по лѣсистой части тундры стадами Ижемцевъ, проходящими по ней весною въ тундру и осенью возвращающимися въ волость; эта-же дорога ведетъ чрезъ Уральскій камень въ Сибирь и по ней слѣдуютъ тѣ Ижемцы, которые, послѣ убоя оленей въ концѣ Октября мѣсяца, отправляются съ оленьимъ товаромъ въ Обдорскъ и Березовъ, для торговли съ Остяками и Карачейскими Самоѣдами. Къ Рождеству и они возвращаются въ Ижму съ Сибирскимъ товаромъ. Но въ это время не такъ еще много встрѣчаешъ Ижемскихъ обозовъ, какъ въ послѣднихъ числахъ Октября и до 15 Ноября: желая воспользоваться первымъ снѣжнымъ путемъ, Ижемцы нагрузивъ бочки рыбою и оленьимъ мя-

сомъ, а сани оленьими шкурами, спѣшатъ отправиться къ волости, чтобы оттуда уже на свободѣ сбыть товаръ по ярмаркамъ. Мнѣ случилось ѣхать въ это время по Сибирской дорогѣ къ нимъ на встрѣчу и на пространствѣ 300 верстъ не проходило получасу, чтобы не попадался намъ обозъ со множествомъ оленей и саней, съ разнымъ товаромъ.

Изъ всего этого видно, какую оленеводство составляетъ выгодную отрасль промышленности, особенно Ижемцамъ, которые не только употребили всѣ средства, какія для уменьшенія расходовъ употребить только можно, но какъ промышленный и торговый народъ, не упустили ни одного случая, чтобы извлечь изъ оленеводства и промысловъ наибольшую пользу и открыть во всѣхъ возможныхъ мѣстахъ удобные пути сбыта.

Они извлекаютъ изъ оленя для продажи: *мясо, сало, замшу, теплую одежду, рукавицы, рога* и *языки. Мясо* Ижемцы частію потребляютъ сами, частію промѣниваютъ Самоѣдамъ—оленехозяевамъ, (которыхъ, въ отношеніи къ работникамъ, называютъ *вольными* Самоѣдами), но большею частію продаютъ крестьянамъ Устьцылемской и Пустозер-

ской волости и возятъ за Уральскій хребетъ къ Сибирскимъ Остякамъ и Самоѣдамъ. Всего заготовляютъ въ годъ мяса до 70,000 пудовъ и можно положить, что одну половину они сами потребляютъ, другую-же пускаютъ въ продажу отъ 60 до 70 коп. сер за пудъ. *Замшу* выдѣлываютъ они въ замшевыхъ заводахъ, построенныхъ въ Ижемской волости, числомъ до 55, и въ тундрѣ при избахъ. Обыкновенно заводы эти принадлежатъ не самымъ зажиточнымъ крестьянамъ и въ нихъ бѣднѣйшіе изъ волости имѣютъ заработку при выдѣлкѣ шкуръ, такъ какъ имъ за шкуру платятъ по 18 коп. сер., но въ послѣднее время богатые, замѣтивъ, что хорошія олеяьи шкуры, замшевые заводчики подмѣниваютъ дурными, менѣе стали отдавать имъ въ выдѣлку, и сами по-немногу начали обстраиваться заводами. Шкуры они скупаютъ, гдѣ только могутъ и сколько могутъ не только у своихъ же крестьянъ, у крестьянъ волостей: Пустозерской и Устьцылемской, у Мезенскихъ мѣщанъ и крестьянъ въ Тиманской тундрѣ, но даже и у Зауральскихъ Инородцевъ, и выдѣлываютъ ихъ до 40,000 въ годъ, сбывая по 1 р. 50 коп. и до 2 р. сер. штуку. Въ Январѣ и Февралѣ пріѣз-

жаютъ въ Ижму торговцы изъ города Галича, Костромской губерніи, и скупаютъ у нихъ, большею частію въ долгъ, штукъ до 25,000 замши, которую перепродаютъ въ Москву; сами же Ижемцы возятъ остальную въ село Вагу, Вологодской губерніи, гдѣ въ Мартѣ мѣсяцѣ, въ день Св. Евдокіи, бываетъ большая ярмарка: тамъ берутъ замшу Галицкіе же купцы. Сперва они сами возили ее въ С. Петербургъ и Москву, но теперь находятъ это для себя невыгоднымъ. — Изъ сала Ижемцы льютъ *свѣчи* для собственнаго употребленія, а въ нетопленномъ видѣ, отправляютъ на Никольскую ярмарку (6-го Декабря) въ г. Пинегъ, и продаютъ его по 2 руб. 30 коп. сер. пудъ; туда-же привозятъ *олений волосъ,* по 85 до 100 коп. сер. пудъ, *оленьи языки* по 18 коп. сер. пару и *рога* по 30 коп. сер. пудъ. *Теплую одежду (малицы, совики* и т. *д.*) они мало пускаютъ въ продажу, а болѣе шьютъ на себя и на семейства свои и каждый почти годъ дѣлаютъ себѣ новую — это даже вошло у нихъ въ обыкновеніе. Промышленные Ижемцы, не довольствуясь ближними мѣстами сбыта, распространили торговлю и за Уральскій Хребетъ, и переходя туда съ недавняго времени боль-

шими стадами, вступили въ сношеніе съ Обдорскими и Березовскими Остяками, съ которыми конечно не иначе обходятся, какъ съ здѣшними Самоѣдами. Они обыкновенно оставя стада свои на зимовьяхъ — *легкими чумами* — или чтобъ употребить техническое выраженіе *мяпоемъ* (отъ *мя*, чумъ и *опой*, одинъ по Сам.) отправляются въ Березовъ и Обдорскъ съ *оленьимъ мясомъ, ремнями и лямками изъ тюленьей кожи, коровьимъ масломъ, семгой, табакомъ* и вывозятъ оттуда *пухъ, полупушье, оленьи шкуры, осетрину, бѣлую рыбицу, мамонтовую кость,* и *дорогую рухлядь.* Привезенный изъ-за-Урала товаръ сбываютъ на означенныя выше ярмарки, а пушной на Нижегородскую, откуда привозятъ *чай, сахаръ, ромъ, пряности, красный товаръ, русскую одежду и обувь,* которыя сбываютъ крестьянамъ, по волостямъ, и Самоѣдамъ; самые-же богатые изъ нихъ вывозятъ даже оттуда и изъ Углича, *мебель, зеркала* и *картины* для украшенія комнатъ. Трудно повѣрить, чтобы въ такомъ отдаленномъ и, по общепринятому понятію, пустынномъ, заброшенномъ краѣ, было столько распространено между крестьянами богатства и благосостоянія: не говоря уже о значительномъ (для крестьянина) состояніи человѣкъ 15-ти Ижемскихъ

крестьянъ, изъ коихъ каждый имѣетъ по нѣскольку тысячъ (до 6,000) оленей и по нѣскольку десятковъ-тысячъ чистаго капитала, даже у иныхъ бѣдныхъ Печорскихъ крестьянъ болѣе встрѣчаешъ довольства, чѣмъ во многихъ губерніяхъ пространной Россіи, ибо если хлѣбопашество у нихъ и скудно и случаются частые на хлѣбъ неурожаи, то всегда крестьянинъ можетъ прокормиться какимъ-нибудь промысломъ: или рыбнымъ или звѣринымъ (бѣлками, горностаями) и особенно птичьимъ, т. е. рябчиками и тетеревами, которымъ всегда есть выгодный сбытъ.

Между Ижемскими оленеводцами *богатымъ* почитается только тотъ, у котораго отъ 1,000 до 5,000 или 6,000 оленей; тѣ, которые имѣютъ ихъ отъ 500 до 1,000 принадлежатъ къ *среднему состоянію*, а имѣющіе 100, 200, 300 оленей считаются *бѣдными*, между тѣмъ какъ Самоѣдъ *бѣднымъ* почитается только тогда, когда имѣетъ менѣе 50 оленей; про того-же, который имѣетъ отъ 100—500 штукъ говорятъ, что состояніе его *посредственное*, а имѣющаго ихъ до 1,000 считаютъ уже *богачемъ*, но такихъ богачей осталось между ними весьма мало, между тѣмъ какъ въ

прежнія времена были стада въ 5,000—10,000 головъ, а средняя цѣна оленю всегда полагается до 3 руб. сер. на мѣстѣ.

Самый наружный видъ Ижемской волости и образъ жизни Зырянъ показываютъ, что они пользуются благосостояніемъ: въ томъ свидѣтельствуютъ три величественныхъ каменныхъ и два деревянныхъ храма Божіихъ, въ самое новѣйшее время сооруженныхъ крестьянами Ижемской волости. Богатые оленеводцы нерѣдко дѣлаютъ въ нихъ вклады по 1,000—1,500 руб. сер. заказываютъ въ Нижнемъ-Новгородѣ, Архангельскѣ и даже въ Москвѣ мѣстные образа въ нѣсколько тысячъ рублей, отдѣлываютъ иконостасы, каменные полы и часто, изъ усердія или по обѣту, жертвуютъ по нѣскольку оленей, которыхъ приводятъ къ самой церкви и тутъ-же, по окончаніи службы, продаютъ съ публичнаго торга, а деньги вносятъ въ Церковную кассу.— Явно, что богатство Ижемскихъ крестьянъ перешло къ нимъ изъ тундры и многіе тамошніе жители помнятъ, какъ лѣтъ за 30, за 40 тому назадъ, тѣ-же богатые крестьяне живали въ работникахъ при судахъ у Пустозеровъ; теперь-же, по быстрому и сильному распространенію оленеводства

между Ижемцами, оно такъ у нихъ вкоренилось и такъ стало необходимо для всей волости, особенно-же потому, что бѣдные находятъ въ немъ заработку при выдѣлкѣ замши, что уничтожить оленеводство Ижемской волости, значило-бы въ основаніи подкопать благосостояніе крестьянъ, ибо хлѣбопашество и промыслы въ рѣкѣ Печорѣ и ея притокахъ, которыми въ концѣ послѣдняго столѣтія могли еще довольствоваться Ижемскіе крестьяне, въ настоящее время, при увеличеніи народонаселенія, стали для нихъ совершенно недостаточными.

Еще нѣсколько словъ о прочихъ оленеводцахъ и объ отношеніяхъ ихъ къ Самоѣдамъ.

Оленеводство крестьянъ Устьцылемской волости. Въ прежніе годы оленеводство крестьянъ *Устьцылемской волости* было гораздо значительнѣе, но теперь примѣтно уменьшилось. Этому причиною слишкомъ большое довѣріе хозяевъ къ работникамъ своимъ — Самоѣдамъ, которымъ они предоставляли стада въ полное распоряженіе, заняты будучи сами большую часть года хлѣбопашествомъ, уборкою сѣна на роскошныхъ Печорскихъ лугахъ, богатыми семговыми промыслами по рѣкѣ Печорѣ, ловлею *бѣлой ры-*

бы (сиги, чиры, пеледи) въ такъ называемыхъ *наволочныхъ* (*) озерахъ и наконецъ извозомъ на лошадяхъ, которыхъ *для* этой цѣли держатъ въ большомъ количествѣ. Для извоза, Устьцылемскіе крестьяне обзавелись и оленями, но теперь ихъ не болѣе, какъ по 20, по 50 и много по 100 штукъ у каждаго хозяина: на нихъ они могутъ подъѣзжать *для* рыболовства къ отдаленнымъ озерамъ и удобнѣе переходить съ обозами, по болотистымъ мѣстамъ, на Крещенскую ярмарку въ Важку или на Никольскую въ Пинегъ, куда ихъ нанимаютъ Ижемцы везти рыбу, скупленную у Пустозеровъ.

Оленеводство крестьянъ Пустозерскихъ. Пустозерскіе крестьяне и сами отправляютъ семгу и бѣлую рыбу и даже оленье мясо на Пинежскую ярмарку на собственныхъ оленяхъ, или же нанимаютъ, *для* перевозки, оленей у Самоѣдовъ Тиманской тундры, которые сами рѣдко возятъ туда рыбу или ворванье сало, а продаютъ большею частію промыселъ свой Русскимъ и потомъ

(*) *Наволоками* называются широкіе луга по обѣимъ сторонамъ рѣки, на которыхъ отъ разлитія весною водъ образовались озера.

у нихъ-же подряжаются везти этотъ товаръ на ярмарку. — Послѣ богатѣйшаго семговаго промысла, которымъ владѣютъ Пустозеры при Печорскомъ устьѣ, главное занятіе ихъ составляютъ *морскіе звѣриные промыслы* при берегахъ Ледовитаго моря, и въ особенности у Югорскаго-Шара и на Новой-Землѣ. Нѣкоторые промышленники съѣстные припасы и необходимые для промысла снаряды перевозятъ туда въ карбасахъ (большихъ лодьяхъ), другіе-же, не желая подвергать себя опасностямъ морскаго путешествія, употребляютъ для этого оленей; но число оленей и у Пустозерскихъ крестьянъ примѣтно стало уменьшаться, потому что богатые промыслы, которыми они владѣютъ, не оставляютъ имъ времени заниматься оленеводствомъ такъ, какъ занимаются имъ Зыряне, которые изъ этой отрасли промышленности гораздо болѣе умѣютъ извлекать выгодъ, чѣмъ Русскіе крестьяне.

Оленеводство Мезенскихъ мѣщанъ и крестьянъ. Мезенскіе крестьяне и мѣщане и даже крестьяне Архангельскаго уѣзда держатъ по малому числу оленей. Есть однакожъ такіе, которые имѣютъ ихъ по тысячѣ въ стадѣ: одни употребляютъ ихъ для пере-

возки товаровъ на ярмарки, а другіе обзавелись оленями въ надеждѣ на большіе барыши отъ оленеводства. Всѣ они, въ отношеніи къ Самоѣдамъ, дѣйствуютъ не лучше Ижемцевъ, съ одною только разницею, что не поступаютъ съ ними съ такою наглостью и насиліемъ, какъ Зыряне съ Большеземельскими Самоѣдами. Этому причиною какъ близость Тиманской и Канинской тундръ отъ г. Мезени, такъ и разность въ правахъ Самоѣдовъ этихъ двухъ тундръ отъ Большеземельскихъ Самоѣдовъ: будучи въ частыхъ сношеніяхъ съ Русскими, которыми мало-по-малу приведены въ бѣдность, теперь они сами такъ стали смышлены, что нерѣдко проводятъ и самихъ Русскихъ — хозяевъ своихъ. Въ этихъ двухъ тундрахъ повторяется почти все тоже, что мы уже сказали о Зырянахъ: тѣ-же отношенія работниковъ къ хозяевамъ, та-же мѣна предметовъ, необходимыхъ для домашняго быта, на промыселъ и на оленей. Это особенно, по малому пространству, видно въ Канинской тундрѣ, гдѣ весною Самоѣды забираютъ (большею частію въ селеніи Семжѣ, въ 40 вер. отъ Мезени), разный товаръ въ долгъ, а крестьяне — кредиторы, съ винными и пустыми бочками, въ полови-

нѣ Сентября, подъѣзжаютъ къ чумамъ Самоѣдовъ, спаиваютъ ихъ до-пьяна и потомъ уже предъявляютъ долги свои, собираемые обыкновенно шкурами и мясомъ оленей, которыхъ тутъ-же убиваютъ, разумѣется двумя или тремя болѣе, чѣмъ значится по счету, и наполняютъ мясомъ пустыя бочки. У крестьянъ барышъ двойной: во-первыхъ отъ того, что за взятый Самоѣдомъ товаръ, онъ ставитъ гораздо болѣе его стоимости, а во вторыхъ, что болѣе бьетъ оленей, чѣмъ слѣдовало-бы по счету. Употребленіе вина Русскіе такъ ввели въ обыкновеніе у Самоѣдовъ, что ни одинъ Самоѣдъ не станетъ теперь торговать съ тѣмъ, кто не поднесетъ ему сперва чарки. Самоѣдъ долго можетъ пробыть безъ вина, пока ему не представится удобный случай напиться; зная свою слабость, онъ даже имѣетъ столько силы воли, что во время промысла откажется отъ вина, но за то уже, по окончаніи промысла, весь упромышленный товаръ пойдетъ у него за-даромъ. Въ новѣйшее время были однакожъ примѣры въ Канинской тундрѣ, что Самоѣды, узнавши, что строго запрещено ввозить вино въ тундру, дали себя напоить, но когда дѣло пришло къ расчету и къ бою оленей, то они, бро-

спвшись на Русскихъ, и стращая ихъ тѣмъ, что связанными представятъ въ Мезенскій Судъ, заставили отказаться отъ всѣхъ притязаній на долги и какъ можно скорѣе возвратиться къ дому, — сами же допили остальное вино. Не смотря на такой успѣхъ въ развитіи Самоѣдовъ Канинской и Тиманской тундръ, Русскіе все имѣютъ надъ ними перевѣсъ и не только держатъ ихъ у себя въ работникахъ, и большая часть изъ нихъ въ долгу у Русскихъ, но и завладѣли всѣми почти промысловыми и лучшими моховыми мѣстами Канинскихъ и Тиманскихъ Самоѣдовъ, которые отъ этого стали еще бѣднѣе Самоѣдовъ Большеземельской тундры.

Рыболовство. Многочисленныя озера и рѣки по тундрѣ изобилуютъ такимъ множествомъ разнаго рода рыбы, что врядъ-ли другая страна представляетъ что-либо подобное; въ нихъ водятся два рода рыбы: *красная* и *бѣлая*. Къ красной принадлежитъ: *семга, голецъ, кунжа;* къ бѣлой: *сиги, чиры, пеледи, нельма, омули, щуки, налимы, окуни, сороги, харіусы, навага, сельди,* а при берегахъ морскихъ и *камбалы,* и все это въ самомъ огромномъ количествѣ. Разумѣется всѣмъ этимъ богатствомъ болѣе пользуются Зыряне и Рус-

скіе, которые сперва отбили у Самоѣдовъ промысловыя мѣста, а теперь имѣя болѣе средствъ, обзавелись снастями и снарядами, потребными для рыболовства и облавливаютъ все, что прежде было единственнымъ достояніемъ коренныхъ жителей тундры. Всего обиднѣе для Самоѣдовъ то, что Русскіе и Зыряне, для рыболовства, становятся при озерахъ и рѣкахъ въ лѣтнее время, когда олень, въ безпокойствѣ отъ жару и комаровъ, кружится и отаптываетъ мохъ. Зыряне и Русскіе рѣдко допускаютъ Самоѣдовъ вмѣстѣ ловить рыбу въ рѣкѣ или озерѣ, особенно тѣ, которые поселились въ тундрѣ слободками и избами. Самоѣды выжидаютъ для этого осени, когда крестьяне возвращаются къ волостямъ; тогда они подходятъ къ тѣмъ-же озерамъ и рѣкамъ и берутъ себѣ на пищу то, чего Ижемцы и Русскіе не доловили, но такъ какъ на тѣхъ мѣстахъ, олень не находитъ уже болѣе мху, то Самоѣдъ, чтобы сберечь стадо свое, которое все болѣе-и-болѣе удаляется отъ мѣстъ стоянія, принужденъ, не окончивъ иногда промысла, перейти чумомъ къ другой рѣкѣ или къ другому озеру. Къ-тому многіе и не имѣютъ средствъ обзавестись нужными рыболовными снаря-

дами: неводами, сѣтьми, лодками, бочками и т. д., а потому остаются вовсе безъ промысла. Тѣ же, которые добудутъ нѣсколько рыбы, большею частію потребляютъ ее сами; промѣниваютъ ее также Ижемцамъ и Русскимъ на хлѣбъ, оленье мясо и т. д. или отдаютъ часть улова за то, что тѣ ссудили ихъ на время сѣтьми и неводами. Соль берутъ у крестьянъ же и за ½ пуда даютъ или бѣлаго песца или оленью постель, т. е. за 35 коп. сер. платятъ 1 руб. сер. Сколько приблизительно извѣстно, на 850 душъ Самоѣдовъ муж. и женск. пола, исключительно занимающихся этимъ промысломъ, приходится рыбы на сумму 2,303 руб. сер. въ годъ, т. е. на каждаго человѣка около 2⅔ руб. сер., что оказывается еще менѣе, если принять въ соображеніе невыгодныя для Самоѣдовъ условія при самомъ уловѣ и сбытѣ рыбы. При такихъ обстоятельствахъ Самоѣды рады, хотя на пищу, добыть себѣ рыбы, между тѣмъ какъ Ижемцы и Русскіе отъ рыболовства имѣютъ огромные барыши и ведутъ обширную торговлю. Мы уже видѣли, какіе длинные обозы съ разными товарами тянутся осенью изъ тундры въ Ижму: въ этомъ числѣ бочки съ свѣжею и соленою рыбою,

занимаютъ главное мѣсто. Изъ волости Ижемцы начинаютъ развозить ее по разнымъ ярмаркамъ: къ Николину дню въ *Пинегъ;* къ Крещенью на *Важку,* а въ Февралѣ мѣсяцѣ въ с. *Небдино* по р. Ежвѣ, Устьсысольскаго округа, Вологодской губерніи, за 300 верстъ отъ Ижмы, откуда на тѣхъже оленяхъ привозятъ ячмень для засѣва полей своихъ. Но Ижемцы не довольствуются еще и этимъ: они къ Декабрю пріѣзжаютъ въ Пустозерскъ, вымѣниваютъ на оленье мясо семгу и бѣлую рыбу, и нанявъ, для перевозки, оленей Устьцылемскихъ крестьянъ или Тиманскихъ Самоѣдовъ, отправляютъ ее на ярмарку въ Пинегъ. Кромѣ этого они промышляютъ рыбу по Печорѣ, Усѣ и Косьѣ, которую частію пускаютъ въ продажу, частію-же оставляютъ для домашняго употребленія. Особенно обиленъ рыбный промыселъ по Усѣ: въ этой рѣкѣ водится сельдь или, какъ называютъ ее въ Печорскомъ краѣ *зельдь,* но только до горы *Адака;* далѣе рыба эта почти не идетъ, — у *Адака* же, и то на небольшомъ пространствѣ, держится въ такомъ множествѣ, что могла-бы быть достаточна для прокормленія Ижемской волости въ продолженіе всей зимы.

Устьцылемскіе же и *Пустозерскіе* крестьяне, кромѣ богатѣйшаго лова *семги* по Печорѣ и *бѣлой рыбы* по наволочнымъ озерамъ, производятъ съ давняго уже времени рыболовство и во многихъ озерахъ, въ тундрѣ лежащихъ и такъ уже привыкли почитать себя ихъ владѣльцами, что не подпускаютъ къ нимъ и Самоѣдовъ. Пустозерскіе крестьяне, зная, что Самоѣды весьма ловкіе промышленники, снабжаютъ ихъ иногда сѣтьми, лодками, неводами, но за это одолженіе, какъ хозяева снастей, выговариваютъ себѣ большую часть изъ хорошихъ промысловъ. Если же, по несчастію, уловъ былъ дуренъ, то крестьянинъ насчитываетъ на Самоѣда долгъ до будущихъ промысловъ. Пустозерскіе и Устьцылемскіе крестьяне отправляютъ много рыбы на Пинежскую ярмарку и привозятъ оттуда разныя вещи, потребныя въ крестьянскомъ быту; но самую большую часть промысла сбываютъ торговцамъ, пріѣзжающимъ въ Печорскій край изъ города *Чердыня*, Пермской губерніи. Чердынскіе торговцы въ большихъ лодьяхъ — *каюкахъ* — до Петрова дня сплавляютъ внизъ по Печорѣ хлѣбъ, крупу, красный товаръ, вины, пряности и разныя лакомства. Такъ какъ они единственные

торговцы, спабжающіе Печорскихъ жителей хлѣбомъ и предметами, сдѣлавшимися почти необходимыми въ домашнемъ быту тамошнихъ крестьянъ, то они и приняты бываютъ съ большимъ радушіемъ. На это время край оживляется, всякій чего нибудь да ждетъ: кто по бѣднѣе хлѣба, кто краснаго товару, кто винъ и рому (который въ большемъ употребленіи у тамошнихъ жителей), а всѣ пряниковъ, изюму и кедровыхъ орѣховъ. Безъ этихъ припасовъ не можетъ обойтись даже самый посредственный хозяинъ: — ими онъ выражаетъ гостю свое радушіе и гостепріимство и чтобы оказать почетъ пришельцу, посѣтившему его хату, хозяинъ поставитъ на столъ двѣ зажженыя свѣчи, поднесетъ вамъ чарку вина, кто по достаточнѣе даже и краснаго и рому, уставитъ столъ пряниками и орѣшками и, если вы не захотите погрѣшить противъ принятаго тамъ обычая, то отложете себѣ всего по немногу, и ни до-чего не дотронетесь.

Торговцы эти необходимы для тамошняго края: ихъ пріѣзжаетъ въ иное лѣто каюковъ до тридцати; десять изъ нихъ заворачиваютъ прежде всего въ Ижму, живутъ въ Ижмѣ до конца Іюня мѣсяца, а потомъ выѣзжаютъ въ Устьцыльму, Пустозерскъ и

села, лежащія по Печорѣ, гдѣ остальные торговцы въ это время начинаютъ уже распродавать свой товаръ, весь почти въ долгъ, и нагрузивъ каюки семгою, чирами, пеледями, въ концѣ *Іюля*, плывутъ назадъ въ Чердынь. Зимою, до Благовѣщенія, пріѣзжаютъ снова на Печору, привозятъ красный товаръ, который продаютъ большею частію на чистыя уже деньги, а за отпущенный лѣтомъ хлѣбъ собираютъ долги; замши же и пушнаго товару берутъ мало.

Самоѣды Тиманской и Канинской тундръ еще болѣе стѣснены въ рыболовствѣ, чѣмъ Самоѣды Большеземельской тундры, ибо Мезенскіе мѣщане и крестьяне именно поселились при самыхъ рыбныхъ рѣкахъ и озерахъ; между тѣмъ какъ Тиманскимъ Самоѣдамъ, какъ весьма малочисленнымъ и бѣднымъ оленеводцамъ, одно уже рыболовство могло-бы доставить достаточное содержаніе.

Звѣроловство. Въ тундрѣ производятся три рода звѣриныхъ промысловъ: 1) *морскіе*, 2) *горніе тундряные*, 3) *горные лѣсные.*

Нерпа, морской заяцъ, или собственно *тюлень, тевякъ, бѣлуга* или *бѣлуха* и *моржъ* составляютъ *морской звѣриный промыселъ,* который производится по всему берегу Ледовитаго моря,

начиная отъ устья р. Мезени до р. Кары. Но промыселъ этотъ не вездѣ одинаково обиленъ: такъ какъ первые три рода морскаго звѣря гонятся за *сайкой,* мелкой рыбой изъ рода *навагъ,* а бѣлуга за красной рыбой: *семгой и кунжей,* и за ними заходятъ вверхъ по теченью рѣкъ, то и пребываніе морскаго звѣря на извѣстномъ мѣстѣ зависитъ отъ похода рыбы изъ моря въ рѣки; и по этому мѣста, въ которыя наиболѣе заходитъ морскаго звѣря, промышленникамъ уже извѣстны. Годами однакожъ, по направленію вѣтровъ, которые также имѣютъ вліяніе на походъ морскаго звѣря, перемѣняется и мѣсто обильнаго его улова; но какъ сильные вѣтры весною и осенью дуютъ почти ежегодно съ одной и той-же страны свѣта, то и обильныя промысловыя мѣста почти не измѣняются. Русскимъ промышленникамъ это слишкомъ хорошо извѣстно и по этому они заняли всѣ лучшія мѣста для морскаго промысла: иные въ Тиманской тундрѣ совершенно основались, другіе-же построили салотопни и избы, гдѣ живутъ только во время промысловъ. Такими избами усѣянъ весь Канинскій и Тиманскій, а у Югорскаго Шару — и Большеземельскій берегъ; при нихъ обыкновенно

водруженъ старообрядческій крестъ, а при иныхъ поставлена даже и часовня, обыкновенно во имя Святителя Николая — заступника и покровителя промышленниковъ на морѣ. Самоѣды мало занимаются и морскими промыслами, частію отъ того, что будучи отбиты отъ лучшихъ мѣстъ, принуждены выжидать звѣря тамъ, куда онъ рѣдко заходитъ, частію же потому, что для этого нужна лодка, ружье и топоръ, а для ловли бѣлугъ и неводъ, который одинъ обходится въ нѣсколько сотъ рублей, а не всякій въ состояніи купить эти вещи. Отъ этого они часто промышляютъ въ сообществѣ съ Русскими и входятъ къ нимъ въ часть или *покруту,* особенно же тѣ, которые отправляются промышлять моржей и бѣлыхъ медвѣдей къ Вайгачу и на Новую-Землю, куда Русскіе не охотно пускаются.

Морской звѣрь требуетъ большой осторожности и терпѣнія со стороны промышленника: проходятъ иногда цѣлые дни, что не покажется на поверхности воды ни одной тюленьей головки и тогда Самоѣдъ, лежа въ лодкѣ или просто на морскомъ берегу и, вооружившись терпѣніемъ и винтовкой, выжидаетъ давно-желанной добычи, зная, что она наконецъ должна-же явить-

ся и что перемѣнить мѣсто ни къ чему не поможетъ. Теперь же, не окончивъ иногда промыслу, онъ принужденъ бываетъ сойти съ промысловаго мѣста, ибо видитъ, что олень, раскапывая подъ собою снѣгъ копытомъ и не находя мху, въ лѣтнее время вытоптаннаго стадами Русскихъ и Ижемцевъ, все болѣе-и-болѣе удаляется отъ мѣста стоянія и тѣмъ заставляетъ и хозяина снести чумъ на другое, иногда менѣе выгодное мѣсто, а это и въ хозяйствѣ, и въ промыслахъ дѣлаетъ большую разницу.

Скудные промыслы свои Самоѣды сбываютъ всегда Русскимъ, Большеземельскіе — Пустозерамъ, а Тиманскіе и Канинскіе — крестьянамъ и мѣщанамъ, которые тутъ-же на мѣстѣ улова скупаютъ его у нихъ за хлѣбъ и разные припасы, вытапливаютъ ворвань и отправляютъ его въ бочкахъ, для отпуска за границу, въ Мезень и Архангельскъ. Морской промыселъ очень выгоденъ: изъ каждаго тюленя выходитъ отъ 6 до 9, а изъ бѣлуги даже до 20 и болѣе пудъ жиру, который на мѣстѣ продается по 1 руб. 50 коп. сер. пудъ; изъ моржа выходитъ столько-же; къ тому-же толстая шкура его идетъ на ремни и возжи. Этими промыслами и торговлею Ижемцы,

по отдаленію отъ моря, вовсе не занимаются, но оставили въ полное распоряженіе Пустозеровъ, Мезенскихъ мѣщанъ и крестьянъ и Самоѣдовъ, сами же только покупаютъ у нихъ ворванье сало для замшевыхъ заводовъ и ремни для упряжки оленей и для сбыта Сибирскимъ инородцамъ.

Горніе тундряные промыслы составляютъ: *волки, лисицы* и *песцы*. (*Горними* эти промыслы называются потому, что въ тамошнемъ краѣ *горою* означаютъ всякое пространство твердой земли въ отношеніи къ морю или рѣкамъ). О множествѣ волковъ, водящихся въ тундрѣ, подробнѣе была уже рѣчь въ отдѣлѣ объ оленеводствѣ; лисицы же и песцы занимаютъ въ тундряныхъ промыслахъ не менѣе важное мѣсто, хотя и въ совершенно-другомъ отношеніи. Дорогія черно-бурыя лисицы въ Мезенской тундрѣ почти вовсе не попадаются, да и обыкновенныя красныя примѣтнымъ образомъ теперь уменьшились: этому причиною введенный Русскими обычай вынимать изъ норы щенятъ и выкармливать ихъ дома, обычай, которому Самоѣды однакожъ, по кочевой жизни, слѣдовать не могли, такъ какъ имъ цѣлый выводокъ держать негдѣ, и они только изрѣдка, изъ подражанія Русскимъ, выкарм-

ливаютъ по одному или по два щенка, держа ихъ на привязи у саней. Но обыкновенно *лисицъ* и *песцовъ* Самоѣды бьютъ изъ винтовокъ или ставятъ на нихъ у норъ или на высокихъ холмахъ *капканы*, желѣзныя западни, въ которыя звѣрь попадаетъ лапой; *черканы*, которые сжимаютъ ему голову или схватываютъ по срединѣ тѣла, и *кулемы*, большіе деревянные ящики, прибивающіе звѣря тяжестію своею. Къ тому-же Самоѣды, зная что несвоевременнымъ ловомъ песцовъ и лисицъ, они легко могутъ перевести въ тундрѣ столь полезныхъ для нихъ животныхъ, до осени и зимы стараются воздерживаться отъ промысла для того, чтобы не истребить песцовъ — *норниковъ;* четырехмѣсячныхъ — *крестоватиковъ* — и шестимѣсячныхъ — *чалковъ*, и тѣмъ не уничтожить породы этого звѣря, а выжидаютъ времени, когда песецъ совершенно побѣлѣетъ и получитъ названіе *рослопесца* или собственно *песца:* это бываетъ въ первыхъ числахъ Октября; лучшая ость становится у него однакожъ къ половинѣ или концу этого мѣсяца. Русскіе, а въ особенности Ижемцы, вовсе этого не соблюдаютъ и дѣйствуютъ совсѣмъ иначе, какъ Самоѣды. Такъ какъ они временные при-

шельцы въ тундрѣ и пребываютъ въ ней только весну, лѣто и небольшую часть осени, то и не имѣютъ возможности выждать времени, когда песецъ побѣлѣетъ и получитъ настоящую ось, ибо къ тому уже времени далеко откочевываютъ отъ песцовыхъ норъ и, для спасенія оленьихъ стадъ отъ мятелей, приближаются къ лѣсамъ; по этому, чтобы воспользоваться по крайней мѣрѣ тѣмъ, что представляется имъ во время перехода по тундрѣ, они вынимаютъ изъ норъ сколько могутъ щенятъ, находя ихъ иногда въ одномъ гнѣздѣ штукъ по 15, то разламывая нору шестами и вытаскивая щенятъ крюками, то забивая кольями отверстія въ норѣ и выживая ихъ огнемъ и дымомъ; въ окуренную-же нору песецъ, даже чрезъ 10-ть лѣтъ, не возвратится. Норники и крестоватики стоятъ въ это время не болѣе 15и 30 коп. сер., между тѣмъ какъ бѣлый песецъ продается, по меньшей мѣрѣ, по 1 руб. а хорошій и по 1 руб. 30 коп. сер.

Вотъ причины, почему въ послѣднее время песцы примѣтно стали переводиться въ Мезенской тундрѣ и почему ихъ теперь такъ мало достается Самоѣдамъ, допромышливающимъ только тѣхъ, которымъ

удалось спастись отъ Ижемцевъ. Теперь и нѣкоторые Самоѣды начали промышлять норниковъ и крестоватиковъ, хотя и сами видятъ, что это разорительно, но дѣлаютъ для того, чтобы не отстать отъ Русскихъ и Зырянъ и чтобы не остаться вовсе безъ промысла; при всемъ томъ стараются однакожъ какъ можно болѣе сберегать норы: не окуриваютъ ихъ, не разламываютъ, а просто ставятъ къ отверстіямъ капканы. Иногда и эта предосторожность Самоѣдовъ не помогаетъ и потому именно, что по временамъ какъ песцы, такъ и лисицы и даже волки гонятся, или чтобы выразиться техническимъ словомъ — *текутъ за пестрою и бѣлою мышью (пеструшка,* Mus Lemnus), которую звѣри эти пожираютъ съ большою охотою, (олени также ѣдятъ мышей, но не всѣ). — Это случается чрезъ каждые три года, и ни рѣки, ни озера не въ состояніи тогда удержать всеобщаго стремленія; даже и *жировые* звѣри, т. е. которые *жируютъ* или постоянно живутъ въ норахъ, изрѣдка слѣдуютъ періодическому теченію. — Но временный этотъ, можно сказать, отливъ звѣря скоро замѣняется новыми стадами, и потому остается безъ особенныхъ послѣдствій. Одна только разорительная система Ижем-

цевъ и Русскихъ имѣетъ вліяніе на постепенное истребленіе звѣря, и можно утвердительно сказать, что если допустить ихъ дѣйствовать такимъ образомъ въ продолженіи еще двухъ или трехъ десятковъ лѣтъ, то въ Мезенской тундрѣ переведутся песцы и лисицы; а потому нѣкоторыя ограниченія въ этихъ промыслахъ совершенно необходимы.

Предметъ *горнихъ лѣсныхъ промысловъ* составляютъ: *дикіе олени, горностаи, бѣлки, куницы, россомахи и медвѣди.*

Въ тѣ блаженныя для Самоѣдовъ времена, когда они еще одни кочевали по тундрѣ, существововалъ у нихъ простой, но замысловатый обычай ловить *дикихъ оленей;* во время приплода, на рога домашняго хоры или самца напутывали въ нѣсколько рядовъ веревки и гнали стадо къ тому мѣсту, гдѣ извѣстно было, что водятся дикіе олени; дикій хора прибѣгалъ къ стаду и рогами начиналъ драться съ домашнимъ, запутывался ими въ петлю и дѣлался такимъ образомъ добычею Самоѣда, которому оставалось только накинуть на него арканъ и употребить въ пищу, потому что ручнымъ сдѣлать его очень трудно. Это я говорю о давнопрошедшихъ временахъ; — теперь по

Большеземельской тундрѣ, отъ огромныхъ Ижемскихъ стадъ, вы не увидите ни одного дикаго оленя: которые удалились къ Уральскому Хребту, а которые въ лѣсистую часть Тиманской и Канинской тундръ, гдѣ лѣсовые Самоѣды, хотя и мало, но на просторѣ промышляютъ ихъ еще и до настоящаго времени. Сперва стрѣляли ихъ изъ луковъ стрѣлами съ широкимъ желѣзнымъ наконечникомъ, но теперь орудіе это вовсе вышло изъ употребленія. *Бѣлокъ* и *горностаевъ* Самоѣды менѣе промышляютъ, чѣмъ крестьяне, которые стрѣляютъ бѣлокъ маленькими пулями изъ винтовокъ особаго устройства, называемыхъ *пищалями,* въ отличіе отъ обыкновенныхъ ружей, именуемыхъ въ тамошнемъ краѣ *дробовкою* или *фузеемъ* (fusil или fusée), а на горностаевъ ставятъ такъ называемыя *пасти,* ловушки, которыя тяжестію своею придавливаютъ звѣря. — Это обыкновенно занятіе бѣдныхъ промышленниковъ, потому-что на мѣстѣ цѣна на бѣлокъ и горностаевъ весьма незначительна: бѣлка продается по 10 коп. сер., а горностай по 20 коп. сер. пара. *Куницы* водятся еще въ довольно-значительномъ количествѣ и по цѣнѣ, которая на нихъ существуетъ (по 1 р. 70 коп. до 3

руб. сер. штука) на мѣстѣ, стоятъ трудовъ промышленника; охота на куницу впрочемъ самая несложная: замѣтивъ, гдѣ сидитъ куница, стараются выпугать ее изъ засады и нагнать на сѣть, которая разставляется вокругъ норы. *Россомахъ* водится довольно много; на нихъ ставятъ капканы или стрѣляютъ изъ винтовокъ. *Медвѣдей* въ дѣвственныхъ, непроходимыхъ Печорскихъ лѣсахъ такое множество, что даже по пути нерѣдко слышишь ревъ, и безпрестанно встрѣчаешь широкіе ихъ слѣды. Медвѣди — стервятники приводятъ въ отчаяніе крестьянъ, поселившихся въ лѣсахъ небольшими слободками, такъ что часто, чтобы сберечь домашнюю скотину, принуждены они бываютъ переселиться на другое мѣсто; медвѣдь же травяникъ не только не трогаетъ скотины, но нерѣдко гуляетъ съ нею тутъже въ стадѣ. Медвѣдей въ Печорскомъ краѣ весьма много промышляютъ, и промышленникамъ даютъ за нихъ хорошую цѣну (отъ 6 — 15 руб. сер. за штуку), такъ что стоитъ подвергать жизнь опасности, дѣлая на него нападеніе съ винтовкою въ рукахъ или съ кольями отыскивая его въ берлогѣ. Самоѣды при этой опасной охотѣ оказываютъ особенную ловкость и смѣ-

лость, и извѣстно уже, что Самоѣдъ, если отыщетъ медвѣжій слѣдъ, никому о томъ не скажетъ, а одинъ отправится къ берлогѣ, чтобы ни съ кѣмъ не подѣлиться въ добычѣ; нерѣдко случается, что такая удаль стоитъ ему жизни, и онъ пропадаетъ безвѣсти, но чаще выходитъ побѣдителемъ изъ неровной борьбы.

Почти весь горній звѣрный промыселъ какъ Самоѣды, такъ и Русскіе промышленники сбываютъ *Ижемцамъ,* которые отправляютъ его частію на Нижегородскую ярмарку, частію же въ Пинегъ, гдѣ скупаютъ у нихъ мѣха купцы изъ Галича и въ особенности изъ Каргополя, Олонецкой губерніи. Это составляетъ для нихъ весьма обширную отрасль промышленности, тѣмъ болѣе, что кромѣ упромышленнаго въ тундрѣ звѣря, они вымѣниваютъ еще на олений товаръ, по выгодной цѣнѣ, у Сибирскихъ инородцевъ, дорогую рухлядь: чернобурыхъ лисицъ и бобровъ, и что вся торговля пушнымъ товаромъ сосредоточена въ нихъ рукахъ.

Въ тундрѣ водятся во множествѣ *лебеди, гуси, утки, гагары, бѣлыя куропатки, рябчики, тетерева,* которыя какъ мясомъ, такъ и пухомъ и перьемъ приносятъ жителямъ тун-

дры большую пользу. Охотою на рябчиковъ и тетеревей Самоѣды мало занимаются; они предоставляютъ это занятіе Русскимъ промышленникамъ, которые извлекаютъ изъ него значительную выгоду, сбывая добычу большею частію Ижемцамъ, а тѣ оптовымъ торговцамъ въ Пинегъ — центръ всей Мезенской торговли, откуда отправляютъ этотъ товаръ цѣлыми уже партіями въ С. Петербургъ и Москву. Но для Самоѣдовъ *гуси* и *утки* составляютъ одну изъ любимыхъ пищей, и ею они, въ соленомъ видѣ, запасаются на всю зиму. Въ новѣйшее время однакожъ, съ умноженіемъ стадъ Ижемцевъ, промыселъ этотъ все болѣе-и-болѣе началъ приходить въ упадокъ и именно отъ того, что чуткіе гуси и утки, прилетѣвъ весною на Сѣверъ изъ странъ полуденныхъ, и расположившись по озерамъ и рѣкамъ мѣнять перья, завидѣвъ издали огромное стадо, въ испугѣ разбѣгаются въ разныя стороны по тундрѣ, или удаляются даже на острова Ледовитаго моря: тогда по одиначкѣ разумѣется ихъ труднѣе нагонять собаками, а потому попадается ихъ теперь гораздо менѣе, чѣмъ прежде, когда они стадами сиживали по озерамъ и рѣкамъ, а Самоѣдъ, подкравшись, съ осто-

рожностью обходилъ ихъ сѣтью или неводомъ и накрывалъ цѣлыми десятками. Не менѣе важную для Самоѣдовъ пищу составляютъ *бѣлыя куропатки,* и такъ какъ они встрѣчаются по тундрѣ большими стадами, то ихъ ловятъ силками и сѣтьми во множествѣ. — Противъ прежняго число ихъ, какъ говорятъ, значительно уменьшилось и этому все та-же причина — огромныя стада Ижемскихъ оленей, которые въ проходъ свой по тундрѣ весною, когда куропатки сидятъ на яйцахъ, топчутъ ихъ въ гнѣздахъ или съ жадностію пожираютъ яйца. — Малую часть пуха и перьевъ, добываемыхъ отъ лебедей и гусей, Самоѣды отдаютъ Ижемцамъ, изъ коихъ нѣкоторые производятъ значительный торгъ пухомъ, покупая его много въ Сибири у тамошнихъ инородцевъ. Ижемцы, будучи причиною уничтоженія птичьяго промысла по тундрѣ, сами принимаютъ однакожъ въ немъ участіе, вступая съ Самоѣдами въ паи.

И такъ Ижемцамъ большею частію удалось завладѣть всѣми промыслами, и теперь нѣтъ ни одной отрасли тундряной промышленности, которая не была-бы въ ихъ рукахъ. Это такой народъ, который не можетъ остаться довольнымъ тѣмъ, чѣмъ уже владѣетъ:

алчный и корыстолюбивый, онъ не покоенъ, если видитъ иноплеменныхъ сосѣдей своихъ въ достаткѣ и не ограничиваясь по этому смышленнымъ и позволеннымъ соперничествомъ, Зыряне сдѣлались теперь врагами мирныхъ своихъ сосѣдей — Самоѣдовъ. Этимъ объясняется, почему Ижемцы, лѣтъ за 40 тому назадъ ѣздившіе наниматься у Пустозеровъ въ работники къ рыбнымъ ловлямъ, изъ работниковъ сами сдѣлались теперь неограниченными хозяевами Самоѣдовъ и настоящими владѣтелями тундры, и почему Ижемская волость, о которой въ то время едва было слышно, такъ быстро поднялась и обогатилась. — Если не означить Ижемцамъ предѣловъ, въ которыхъ только дозволить имъ двигаться, и не далѣе, и не наблюдать строго за ними, то десятка чрезъ два лѣтъ они также наводнятъ стадами своими Тиманскую тундру и землю Сибирскихъ Самоѣдовъ, какъ занимаютъ теперь все пространство Большеземельской тундры: первыя попытки съ ихъ стороны уже сдѣланы, а имъ стоитъ позволить самую малость, чтобы дать тѣмъ право всѣмъ завладѣть.

IV.

Самоѣды въ нравственномъ и религіозномъ отношеніи.

Для основательнаго изученія нравовъ и обычаевъ всякаго народа, первое и необходимое условіе — знать его *языкъ;* иначе судишь о предметахъ по однимъ лишь внѣшнимъ признакамъ, невольно впадаешь въ ошибки и о видѣнномъ и слышанномъ нерѣдко дѣлаешь ложные выводы и заключенія. Между Мезенскими Самоѣдами не такъ часто подверженъ бываешь столь невыгоднымъ отношеніямъ, потому что одни только некрещеные не говорятъ ни какимъ другимъ

нарѣчіемъ, какъ Самоѣдскимъ, большая же часть изъ нихъ разумѣетъ, а Канинскіе и Тиманскіе даже совершенно чисто говорятъ по Русски. По этому если и заѣдешь къ коренньмъ, не обрусѣвшимъ еще Самоѣдамъ, то всегда отыщется переводчикъ, который въ состояніи передать разговоръ. Выговоръ и изученіе Самоѣдскаго языка весьма затруднительны: выговоръ потому, что въ немъ безпрестанно встрѣчаются носовые и гортанные — усѣченные звуки, а изученіе по той причинѣ, что у Самоѣдовъ нѣтъ письменныхъ знаковъ и что до сего времени мало кто имѣлъ случай и охоту заняться этимъ языкомъ. Когда въ 1824 году назначена была Миссія для обращенія Самоѣдовъ въ Христіанскую вѣру, то предсѣдательствующій надъ нею, Сійскаго монастыря Архимандритъ Веніаминъ, изучилъ Самоѣдскій языкъ, перевелъ на него Св. Евангеліе и составилъ лексиконъ и грамматику, а для изображенія словъ, употребилъ весьма удачно Славянскій церковный шрифтъ. — Еще болѣе должно ожидать въ этомъ отношеніи отъ Доктора Кастрена, Доцента Гельсингфорскаго Университета, который будучи отправленъ на Сѣверъ для изученія Финскихъ нарѣчій и зная

въ совершенствѣ Шведскій и Финскій языки, въ 2 мѣсяца выучился такъ основательно Зырянскому языку, что издалъ Зырянскую грамматику, при конкурсѣ 1844 года удостоившуюся второй Демидовской преміи, а отъ Самоѣдовъ я слышалъ, что поживши съ ними не болѣе трехъ мѣсяцевъ, онъ въ состояніи былъ свободно съ ними изъясняться и подготовилъ уже пространную грамматику Самоѣдскаго языка. (*)

Религія. По приведеніи большей части Самоѣдовъ въ Православную Вѣру, въ 1830 году, ассигновано было отъ Духовнаго Начальства болѣе 20,000 рублей сереб. на построеніе въ тундрахъ *трехъ* храмовъ Божіихъ: въ Большеземельской тундрѣ при р. *Колвѣ;* въ Тиманской при р. *Пешѣ,* а въ Канинской при р. *Песи.* Въ Колвинскую Церковь назначены два Священника, изъ которыхъ одинъ долженъ находиться въ безпрестанныхъ разъѣздахъ по тундрѣ, а другой оставаться при церкви, и одинъ Діаконъ какъ для совершенія обря-

(*) Это видно и изъ публикованныхъ Академіею Наукъ донесеній Г. Кастрена, который нынѣ продолжаетъ филологическія розысканія свои въ Сибири.

довъ, такъ и для обученія Самоѣдскихъ дѣтей Русской грамотѣ и для образованія изъ нихъ причетниковъ.

При *Колвинской церкви* обученіе Самоѣдскихъ дѣтей идетъ весьма успѣшно; уже 18 человѣкъ выучились читать и писать по Русски: нѣкоторые изъ нихъ и теперь еще находятся въ школѣ, другіе же поступили въ писари къ Самоѣдскимъ Старшинамъ или въ причетники къ церквамъ, и непривычному глазу странно видѣть на клиросѣ довольно-стройный хоръ пѣвчихъ съ узкими глазенками и выдавшимися скулами, завернутыхъ въ олеціи совикъ и обутыхъ въ неуклюжіе пимы. Многіе изъ нихъ женились на бѣдныхъ Зырянкахъ и Самоѣдкахъ и основались осѣдло при Колвинской церкви, такъ что теперь составилась тамъ колонія изъ Самоѣдовъ, которые уже построили до 12 избъ и мало-по-малу начинаютъ обзаводиться хозяйствомъ и свыкаться съ удобствами осѣдлой жизни. На Пешѣ и на Неси назначено по одному Священнику. Каждому изъ нихъ опредѣлено жалованья до 285 руб. сер. а Діакону до 145 руб. сер. въ годъ. Для разъѣздовъ по тундрѣ, при каждой церкви держатъ стада оленей, при Несской до 100, а при Колвинской

даже до 300. Осенью на оленяхъ, а лѣтомъ въ лодкахъ съ подвижною церковью и со всѣмъ нужнымъ для совершенія обряда Св. Крещенія, выѣзжаетъ Духовенство къ Самоѣдскимъ становьямъ; но распространеніе между Самоѣдами Православія идетъ довольно медленно, частію потому, что церкви: Колвинская и Пешская построены не на мѣстахъ наибольшаго стеченія Самоѣдовъ, а болѣе еще потому, что Самоѣды ничѣмъ не подготовлены къ принятію Евангельскихъ истинъ.

Самоѣды разныхъ вѣдомствъ, по большему или меньшему сношенію съ Русскими, измѣнили и характеръ свой и усвоили себѣ обычаи и мѣстные нравы жителей тѣхъ волостей, къ которымъ приписаны. Такъ на прим. *Ижемскаго вѣдомства* Самоѣды всѣ почти крещены, (557 д. муж. и 556 женск. = 1,113.), понавыкли уже около Ижемцевъ; какъ и Зыряне набожнѣе прочихъ, и до того уже привыкли къ Зырянскому языку, что говорятъ между собою не иначе, какъ по Зырянски, а родной языкъ свой почти и забыли, острижены въ кружокъ и какъ Зыряне, брѣютъ усы. *Пустозерскаго вѣдомства* или *тундряные* Самоѣды болѣе всѣхъ другихъ сохранили

національный свой характеръ и во многомъ отличаются отъ крещеныхъ Самоѣдовъ, которые болѣе бываютъ въ соприкосновеніи съ Русскими; они добры, тихи, безпечны, особенно вѣрны данному слову; половина ихъ еще не приняла Св. крещенія, такъ что всего крещеныхъ 508 д. муж. пола и 441 д. женск. пола=959 душъ обоего пола, а не крещеныхъ 510 муж. п. и 330 жен. = 840 душъ обоего пола. Они богаче прочихъ, самостоятельнѣе, сохранили самое чистое Самоѣдское нарѣчіе, и Шаманскіе обряды; волосъ не стригутъ. *Устьцылемскаго* вѣдомства всѣ крещены муж. п. 148 жен. п. 152=300 и не имѣютъ отличительнаго характера. *Канинскихъ* Самоѣдовъ крещеныхъ муж. п. 400 и жен. 416—816; о некрещеныхъ свѣдѣній не имѣется; а *Тиманскихъ* крещеныхъ обоего пола душъ 855; некрещеныхъ муж. 10 жен. 11=21 обоего пола душъ. Самоѣды этихъ двухъ тундръ такъ уже обрусѣли, что не только совершенно чисто говорятъ по Русски, иногда даже и между собою, но и приняли всѣ оттѣнки Русскаго характера. Языкъ ихъ во многомъ отличенъ отъ языка Большеземельскихъ Самоѣдовъ, такъ что для одного значенія, у Самоѣдовъ

трехъ тундръ, употребляются два совершенно различныхъ выраженія, какъ напримѣръ въ Большеземельской тундрѣ *хвостъ* называется *тайво*, далеко — *хунто;* въ Канинской же и Тиманской *сане* и *анэ,* и т. п.

Общій выводъ численныхъ показаній о крещеныхъ и некрещеныхъ Самоѣдахъ всѣхъ трехъ тундръ слѣдующій: крещеныхъ муж. п. 2,025; женск. 2,018 = 4,043 обоего пола душъ; некрещеныхъ муж. п. 520 жен. п. 341 = 861 обоего пола душъ.

У некрещеныхъ Самоѣдовъ *Нумъ* (Богъ) или *Илеумбарте, (Творецъ* или слово въ слово *Жизнедатель)* есть высшее существо, которое хотя и обладаетъ всѣмъ небеснымъ и земнымъ, но какъ существо чистѣйшее, на землю, гдѣ творится все злое, никогда не нисходитъ, а вѣчно засѣдаетъ на Небѣ. Съ людьми же сообщается посредствомъ Духовъ — *Тадебціевъ,* которые, изъ среды людей, достойнѣйшихъ избираютъ въ *Тадибеи* и чрезъ нихъ передаютъ смертнымъ велѣнія Божіи. По этому не всякій можетъ быть Тадибеемъ, а только тотъ, кому явятся Тадебціи и тогда избранный чувствуя въ себѣ призваніе, еще въ отроческомъ возрастѣ (даже и женщины) обращается къ опыт-

ному Тадибею, чтобы подъ руководствомъ его научиться Шаманскому искуству. — Самоѣды прибѣгаютъ обыкновенно къ Тадибеямъ для излеченія отъ болѣзни, для предсказанія — успѣшенъ ли будетъ промыселъ, для указанія — кто похитилъ изъ стада оленей и т. д. Тогда Тадибей, чтобы испытать сперва въ состояніи-ли онъ излечить больнаго, начинаетъ дѣлать надъ самимъ собою разныя истязанія: садится подъ большой пологъ, гдѣ ставитъ подлѣ себя котелъ съ теплою водою, по нѣскольку человѣкъ съ каждой стороны попеременно обвязываютъ ему веревкой то руку, то ногу, то голову и тянутъ съ обѣихъ сторонъ: тогда видно, какъ Тадибей бьется подъ пологомъ и слышно, какъ у него будто отрываются члены; если по окончаніи всего этого испытанія Тадибей выйдетъ цѣлъ и невредимъ, то значитъ, что въ немъ дѣйствуетъ высшая сила и что успѣхъ въ леченіи несомнителенъ. Во время вдохновенія онъ дѣлаетъ будто вонзаетъ себѣ шомполъ или ножъ въ одинъ бокъ, а изъ другаго вынимаетъ его и даже присутствующимъ позволяетъ дѣлать тоже надъ собою, и если не покажется ни капли крови, а только останутся слѣды на одеждѣ Тадибея, то это предрѣкаетъ сча-

стливый успѣхъ и тогда или дарятъ ему оленя или бьютъ и вмѣстѣ съѣдаютъ сырую и теплую жертву, запивая ее иногда пѣннымъ виномъ; въ случаѣ же худаго предсказанія ничего не дается Тадибею. — За неимѣніемъ никакой врачебной помощи, чаще всего обращаются къ Тадибеямъ въ болѣзняхъ и тогда плутъ — Тадибей, чтобы не уронить своей репутаціи, не даетъ отрицательнаго отвѣта, но старается въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ, означить причину болѣзни и способъ и время излеченія ея; такъ напримѣръ въ горячкѣ предсказываетъ больному излеченіе чрезъ 7 или 9 дней, зная, что по окончаніи этого времени, бываетъ переломъ въ болѣзни, а если предсказаніе не сбудется, то приписываетъ это воли Божіей. Одинъ Самоѣдъ разсказывалъ мнѣ, что онъ почувствовавъ сильный ломъ во всемъ тѣлѣ, прибѣгнулъ къ помощи Тадибея, и тотъ открылъ ему, что его испортилъ Русскій мужикъ, вогнавъ ему въ тѣло стрѣлы, но подъ предлогомъ, будто въ чуму много народу, по имени его не назвалъ, но и послѣ наединѣ умолчалъ о немъ; между тѣмъ они выпили по чаркѣ, по другой, и колотья въ тѣлѣ какъ рукой сняло. Наружныя болѣзни или наросты они или

срѣзываютъ ножемъ или скусываютъ зубами, а о внутреннихъ говорятъ, что это завелся червь въ животѣ и чтобы найти мѣсто, гдѣ онъ сидитъ, водятъ по животу божкомъ съ острымъ носикомъ, который на этотъ случай имѣютъ при себѣ и когда найдутъ больное мѣсто, то или вскрываютъ животъ, или просто прикладываясь къ нему губами, дѣлаютъ будто-бы призываютъ червя, всасываютъ его въ себя и выпувъ изъ-рта показываютъ излеченному, который послѣ этой операціи ложится навзничь, и цѣлуя три раза воздухъ, каждый разъ приговариваетъ: *Нумъ сѣръ* т. е. Божіе дѣло. Тадибеи утверждаютъ однакожъ, что съ тѣхъ поръ, какъ Самоѣды стали носить крестъ, духи менѣе стали имъ повиноваться.

Обрядъ, совершаемый Тадибеемъ, называется *кудесомъ,* а самъ Тадибей по этому *кудесникомъ* Кудесъ не иначе совершается какъ съ помощію *пензера*–бубна изъ оленьей кожи; пензеръ непремѣнно долженъ быть сдѣланъ самимъ-же Тадибеемъ и при этомъ онъ соблюдаетъ слѣдующія условія: убиваетъ здороваго оленьяго теленка — самца, самъ выработываетъ кожу такимъ образомъ, чтобы на ней не осталось жилъ, и потомъ сушитъ ее на огнѣ; при этомъ инька, какъ

существо нечистое, не смѣетъ находиться. Есть еще у Самоѣдовъ повѣріе, что если случится, что Русскій, при изготовленіи пензера, броситъ въ огонь ладану, то бубенъ, который сушитъ на огнѣ Тадибей, непремѣнно лопнетъ. Настоящій пензеръ имѣютъ у себя только тѣ, у которыхъ въ семействѣ есть Тадибей, другіе же для пріѣзжаго кудесника держатъ или простой мѣдный тазъ съ мѣдными привѣсками, а въ крайнемъ случаѣ довольствуются и ружейнымъ стволомъ и вообще всѣмъ, что издастъ металлическій звукъ. Для совершенія кудеса, Тадибей одѣвается въ большой мѣшокъ изъ замши, увѣшанный побрякушками, бубенчиками и разноцвѣтными суконами, числомъ обыкновенно по семи на каждомъ мѣстѣ, на голову надѣваетъ шапку съ наличникомъ, кланяется на всѣ стороны и сперва тихо, но потомъ мало-помалу усиливая звуки, приходитъ въ восторгъ и деревянной колотушкой, обтянутой оленьей шкурой, стучитъ въ пензеръ изъ всей мочи, чтобы тѣмъ призвать къ себѣ духовъ — Тадебціевъ; и точно они не медлятъ явиться: Тадибей начинаетъ уже видѣть вдали бѣлыхъ духовъ, но не имѣя права непосредственно съ ними сообщаться, про-

ситъ заступничества чрезъ зеленыхъ и черныхъ Тадебціевъ, взывая къ нимъ: «повелители солнца, мѣсяца и звѣздъ явитесь и помогите мнѣ» и далѣе умоляетъ «бабушку землю отпустить больнаго отъ себя» а обращаясь къ свѣтиламъ небеснымъ, восклицаетъ: «солнце мать, дѣдушка мѣсяцъ, братцы звѣзды, облака возмите его къ себѣ и сжальтесь надъ его недугомъ.» Вообще этимъ и ограничивается кругъ дѣйствія Тадибеевъ, такъ какъ общихъ молитвъ и богослуженія у Самоѣдовъ не существуетъ; — но до сего времени еще есть по тундрѣ мѣста, которыя состоятъ у нихъ въ особомъ почетѣ и вотъ какое существуетъ о нихъ преданіе:

Предки сказывали, что на островѣ *Вайгачъ,* до пришествія Самоѣдовъ, ничего не было, но что вскорѣ потомъ явился на берегу моря утесъ, который все болѣе и болѣе росъ и наконецъ образовался на подобіе человѣка. Съ тѣхъ поръ, пораженные такимъ чудомъ, они стали вѣровать въ его содѣйствіе при болѣзняхъ или промыслахъ и приносить ему въ жертву цѣлыхъ оленей, въ послѣдствіи же давили оленя веревкой, сами съѣдали его, а оставляли на мѣстѣ только голову съ рогами.

Но такъ какъ Самоѣды у Вайгача бываютъ только въ весеннее и лѣтнее время для промысла моржей и бѣлыхъ медвѣдей, въ прочее же время года удаляются отъ тѣхъ мѣстъ, то чтобы имѣть при себѣ всегда изображеніе чудотворнаго камня, они вздумали замѣнить его истуканчиками, носящими человѣческій образъ, и даже теперь, нашедши при рѣкѣ какой нибудь камень съ округленнымъ, на подобіе головы, кончикомъ, одѣваютъ его въ цвѣтную рубаху, и когда представляется нужда въ помощи истукана, то ставятъ его въ чуму въ сииикуй, а чтобы задобрить его, обмазываютъ ему губы оленьей кровью, и подкуриваютъ оленьимъ саломъ, обыкновенно же держатъ его въ особыхъ саняхъ, даже устройствомъ отличающихся отъ другихъ саней. Послѣ долгихъ и тщетныхъ стараній мнѣ, съ помощію переводчика моего — пономаря изъ Самоѣдовъ, удалось, и то съ большимъ трудомъ, уговорить ихъ показать такія сани: сани эти поставлены были на семи копыльяхъ и имѣли семь рубежковъ на полозьяхъ, число священное, во всемъ повторящееся и у Самоѣдовъ; они покрыты были оленьей шкурой съ головою, ногами и даже копытами, что обыкновенно при оленьей ко-

жѣ не оставляется; подъ шкурой разостланъ былъ коверъ, которымъ покрыты были два болванчика: одинъ съ каменной головой, обмазанной кровью, въ малицѣ сѣраго сукна съ красными пандами и нашивками, а другой простой, черный камень, съ оконечностію на подобіе головки, тоже вымазанной кровью, въ зеленой малицѣ съ красными и желтыми оборками. Эти истуканы суть домашніе боги Самоѣдовъ — ихъ *пенаты* и называются *хэге* (вообще подъ этимъ словомъ разумѣютъ святыню, а потому и образъноситъ также названіе *хэге*), а чтобы удостовѣриться точно-ли камень, который долженъ представлять *хэге* имѣетъ всѣ свойства, которыя отъ него требуются, забрасываютъ, подъ его покровительствомъ, сѣти въ озеро или ставятъ къ песцовой норѣ капканъ или кулему и, въ случаѣ удачнаго улова, признаютъ въ немъ силу свыше и тогда разукрашаютъ его и держатъ въ почетѣ, въ противномъ же случаѣ оставляютъ безъ всякаго вниманія. Другаго рода идолы, называемые *нъытырма*, дѣлаются въ память прадѣдушки или прабабушки и суть божки, присутствующіе при рожденіи младенцевъ. Наконецъ есть еще одинъ родъ истукановъ, которыхъ Самоѣды

сами отесываютъ изъ какого-нибудь деревяннаго чурбана, на подобіе человѣка, и ставятъ на возвышенныхъ мѣстахъ по тундрѣ и въ лѣсахъ, у песцовыхъ и лисьихъ норъ, и также намазываютъ имъ губы кровью; ихъ они называютъ *сядеи*. Обязанность *сядея* — всѣми средствами способствовать обильнымъ промысламъ; еслиже уловъ песцовъ или лисицъ былъ неудаченъ, то сядею не только ничего не жертвуютъ, но еще и наказываютъ его розгами: бываетъ такъ, что сядея Самоѣды привяжутъ къ деревянному волку, сами залягутъ спать и поставятъ сядея съ волкомъ къ стаду, для того, чтобы онъ стерегъ его отъ нападенія волковъ, еслиже въ ночь на бѣду волкъ зарѣжетъ оленя, то за все отвѣчаетъ божокъ и разумѣется получаетъ побои. Всѣмъ этимъ истуканамъ Самоѣды никогда не дѣлаютъ поклоновъ и вообще не имѣютъ никакихъ изустныхъ молитвъ.

Древнѣйшій и знаменитѣйшій Самоѣдскій идолъ находился на островѣ *Вайгачѣ* на большемъ утесѣ и назывался *Уэсако* (*старикъ*). Онъ былъ седмиличный (опять символическое число семь), деревянный, и отесанъ съ трехъ сторонъ, и въ 1827 году сожженъ Миссіонерами и съ нимъ 420 тутъ же находившихся дере-

вянныхъ истукановъ со множествомъ привѣсокъ, разноцвѣтныхъ суконныхъ лоскутковъ, ушей отъ мѣдныхъ котловъ, пуговицъ и другихъ украшеній. Кромѣ того сокрушено еще было на *Вайгачѣ* 20 каменныхъ идоловъ. — Какъ *Болванскій утесъ* почитается и теперь еще старикомъ и главою всѣхъ хэговъ, такъ, посреди самаго острова Вайгача, находится камень, по имени *Пѣве-хэге*, т. е. *мать болвановъ* и названъ потому, что къ нему бросаютъ разныя монеты, ружья, топоры, ножи, пуговицы и т. д. и что у него, какъ у матери, все это хранится въ утробѣ (*). У отца и у матери божковъ четыре сына, которые всѣ разбрелись по тундрѣ и въ разныхъ мѣстахъ промышляютъ по ней, это: *Пю-хэге*-сынъ истуканъ, маленькій утесъ на Вайгачѣ; *Минисей*, возвышеніе у Уральскаго Хребта, *Ялмалъ*, полуостровъ на западной сторонѣ Обской губы. Замѣ-

(*) *Примѣчаніе.* По этому островъ Вайгачъ, какъ мѣсто святыни Самоѣдской, и называется *хэге-я*, святая земля или *хэге-о*, святой островъ. Въ прежнее время Самоѣды, переходя чрезъ Югорскій Шаръ, должны были сперва принести въ жертву оленя *старику*, и тотъ уже давалъ знать другимъ Вайгачскимъ болванамъ, чтобы они допустили пришельца промышлять; но на Вайгачѣ онъ не смѣлъ сорвать ни былинки, а то непремѣнно случилась бы ему бѣда или неудача. Возвращаясь на матерую землю, Самоѣдъ долженъ былъ подвергнуть себя тойже церемоніи.

чательно, что у прежнихъ язычниковъ — Зырянъ главное божество называлось *Iомала,* и что и теперь по Чухонски — *Юмала,* значитъ Богъ. Наконецъ *Кузминъ-перелѣсокъ,* изъ сыновей — хэговъ самый почетный и состоитъ въ камнѣ, находящемся въ лѣсу, верстахъ въ 20 отъ Мезени; здѣсь Миссiонеры сожгли множество деревянныхъ истукановъ, разукрашенныхъ цвѣтными суконами и металлическими привѣсками, которыя развѣшаны были по деревьямъ; они и теперь еще кой-гдѣ виднѣются.

Вотъ на какихъ преданiяхъ основана вѣра Самоѣдовъ и точно могъ-ли народъ съ бѣдными понятiями изобразить божество иначе, какъ въ самыхъ грубыхъ формахъ. Общихъ богослуженiй и даже изустныхъ молитвъ Самоѣды неимѣютъ, но многiе крещеные возставъ отъ сна, входя въ чумъ или избу, или же садясь за трапезу, совершаютъ на себѣ крестное знаменiе, у многихъ въ чуму стоитъ образъ, по большей части Святителя Николая, и обыкновенно, молитва ихъ »Господи, Iисусе Христе, Сыне Божiй, помилуй мя.» Соблюденiе постовъ отъ нихъ не требуется и имъ разрѣшено ѣсть все, кромѣ падали, но какъ мы уже видѣли, въ теперешнемъ бѣдномъ по-

ложенія, трудно отстать имъ отъ этой отвратительной пищи. Въ Канинской тундрѣ, какъ ближайшей къ г. Мезени, гдѣ Самоѣды болѣе уже приняли Русскіе обычаи, нѣкоторые изъ нихъ изъ усердія держатъ посуду для постнаго и скоромнаго кушанья особо, а до 5 человѣкъ постятся даже по Средамъ и Пятницамъ.

Рожденіе. По дальнимъ разстояніямъ по тундрѣ разрѣшено Самоѣдамъ родившихся младенцевъ не приносить тотчасъ-же въ церковь для совершенія надъ ними обряда крещенья. Появленіе на свѣтъ Самоѣда сопровождается разными обрядами, перешедшими къ нимъ отъ прежнихъ временъ: для родильницы ставится особый чумъ, называемый *сямай-мядико* — поганый чумъ, если онъ есть, а если нѣтъ, то она родитъ въ томъ же чуму, въ которомъ живетъ семейство; обыкновенно бываетъ при этомъ родъ повивальной бабки, которая, изъ существующаго повѣрія, что будто-бы облегчаются мученія родильницы, съ поясомъ въ рукахъ, попеременно подходитъ то къ мужу, то къ женѣ и требуя отъ нихъ признанія въ супружеской вѣрности, вяжетъ на поясѣ столько узелковъ, сколько кто

изъ нихъ погрѣшилъ противъ нее, а потому трудныя роды, по ихъ мнѣнію, происходятъ вѣроятно отъ того, что одинъ изъ супруговъ скрылъ грѣхи свои: въ такомъ случаѣ призывается Тадибей и онъ раскрываетъ какъ супружескія тайны прошлыхъ временъ, такъ и всю будущность новорожденнаго. За тѣмъ бабка обмываетъ ребенка въ теплой водѣ и кладетъ въ берестяную зыбку, завернувъ его въ оленью шкуру.—Для очищенія чума послѣ родинъ, бабка наливъ въ котелъ воды, спускаетъ въ него березовую губку, варитъ ее на огнѣ и тою водою кропитъ вещи и людей, находящихся въ чуму. Разумѣется при этомъ убиваютъ оленя и въ честь новорожденнаго съѣдаютъ его сыраго; послѣ каждыхъ родовъ отецъ даритъ родильницѣ оленя. Въ продолженіи 8-ми недѣль, родильница почитается столь нечистою, что не смѣетъ даже раздѣлять пищи съ мужемъ. По прошествіи этого времени ее окуриваютъ верескомъ или оленьимъ саломъ, а чумъ переносятъ на другое мѣсто. Отъ этого обычая и крещеные еще совершенно отстать не могутъ. Имена новорожденнымъ даются не тотчасъ послѣ рожденія, а иногда

спустя годъ или два и совершенно зависятъ отъ произвола родителей или даже стороннихъ людей, болѣе соображаясь или съ замѣченными въ младенцѣ особыми свойствами или недостатками или съ мѣстомъ рожденія его или же съ событіями, сопровождающими появленіе его на свѣтъ.

Такъ на примѣръ:

Мужскія имена:		*Женскія имена:*	
Ачеканъ,	ребенокъ.	*Солоне,*	глупая.
Пенчійко,	человѣчикъ.	*Нюкце,*	дитя.
Тарко,	мохнатый.	*Нѣко,*	дѣвка.
Барми,	черный.	*Пирибтѣ,*	дѣвица.
Ваталя,	лишній.	*Майда,*	хромая.
Ньпруэй,	бѣлый.	*Янгей,*	кривая.
Ягадъ,	плакса.		
Ханю,	мерзлый.		
Тагана,	хворый.		
Сармикъ,	волкъ, прозвали потому, что оказался воромъ.		

Тенеко, лисичка, назвали потому, что родился въ день хорошаго улова лисицъ.

Пайга, пеледь — потому, что въ этотъ день былъ обильный уловъ пеледей.

Мюсь, отъ *мюсе,* аргиши или обозы названъ потому, что родился во время слѣдованія по тундрѣ аргишей.

Пемзя, названъ потому, что въ день его рожденія пріѣхалъ въ тотъ чумъ Г. *Кастренъ*, котораго во всемъ Печорскомъ краѣ не иначе звали, какъ *Нѣмецъ*.

Дѣти до 14-ти или 15-ти лѣтняго возраста ничѣмъ не занимаются, развѣ только иногда помогаютъ родителямъ *ерколтать* (загонять) оленей или исправлять легкую работу и считаются совершеннолѣтними только съ того времени, когда въ состояніи владѣть лукомъ т. е. заниматься промыслами. Крещеные носятъ обыкновенно два имя: Русское и Самоѣдское, а некрещеный Самоѣдъ, если богатъ, то вмѣняетъ себѣ въ особенную честь, если Русскій дастъ ему Русское имя; тогда онъ считаетъ его крестнымъ отцомъ своимъ и ежегодно даритъ лучшаго оленя изъ стада. Суровый климатъ и лишенія при бродячей жизни, много препятствуютъ распространенію народонаселенія Самоѣдовъ; обыкновенно у нихъ дѣтей бываетъ мало, и отъ небрежнаго обращенія, смертность между дѣтьми довольно велика, за то большая часть Самоѣдовъ, выдержавъ въ нѣжномъ возрастѣ мятели и непогоды, дѣлаются весьма крѣпкаго тѣлосложенія. Вообще они небольшаго росту, глаза у нихъ малы, уз-

ки, борода худо ростетъ, цвѣтъ тѣла смуглый, окладъ лица скуловатый, какъ у народовъ Монгольскаго племени.

Вѣчно кочуя по тундрѣ и свыкшись съ измѣненіями въ температурѣ, Самоѣды рѣдко подвержены бываютъ *болѣзнямъ,* но *оспа* и *любострастная болѣзнь* сильно у нихъ свирѣпствуютъ, потому что они ни какихъ мѣръ къ излеченію этихъ болѣзней не принимаютъ, да и при кочевой жизни всѣ врачебныя пособія были-бы тщетны: Русскіе, вѣроятно завезшіе любострастную болѣзнь въ тундру, привозятъ и средство отъ нее — *сулему,* отъ которой болѣзнь сначала скрывшись, появляется въ послѣдствіи во вторичной формѣ, въ видѣ *злокачественной сыпи,* называемый въ тамошнемъ краѣ *мірскою болѣзнью, пыркомъ,* или *волосцомъ;* почитая ее врожденною болѣзнью, они передаютъ ее и дѣтямъ своимъ. Самоѣды тѣмъ менѣе обращаютъ на нее вниманія, что отъ чрезмѣрной неопрятности, почти всѣ безъ исключенія покрыты *чесоткою,* и не могутъ различить одной сыпи отъ другой; чесотка же, по ихъ мнѣнію, какъ-бы облегчаетъ ихъ и освобождаетъ отъ другихъ болѣзней. Впрочемъ иные,

для излеченія отъ любострастной болѣзни, ѣздятъ даже въ Тобольскую губернію. Многіе страдаютъ *глазною болѣзнью* отъ густаго дыма въ чумахъ и отъ сильныхъ вѣтровъ и мятелей по тундрѣ, но *цынга*, столь свойственная жителямъ Сѣвера, Самоѣдовъ не одолѣваетъ, и это приписываютъ обыкновенію ихъ употреблять оленью кровь въ пищу. Отъ *горячекъ, лихорадокъ* и *другихъ болѣзней*, которыя впрочемъ рѣдко случаются, они или вовсе не лечатся или же прибѣгаютъ къ искуству Тадибея, который за оленя или за кубокъ вина, берется вылечить всякаго рода недугъ; но уже достоинство въ этихъ врачахъ — шарлатанахъ то, что они не даютъ своимъ паціентамъ никакого зелья, ни питья, а только излечиваютъ ихъ посредствомъ кудеса и духовнаго вліянія своего на нихъ. При всемъ томъ Самоѣды довольно долговѣчны и обыкновенный ихъ вѣкъ 60 и 70 лѣтъ, но есть довольно и столѣтнихъ старцевъ: я самъ зналъ двухъ Самоѣдовъ, которымъ каждому по 120 лѣтъ и старуху около 100 лѣтъ отъ роду.

Женитьба. У Самоѣдовъ существуетъ *многоженство;* число женъ зависитъ совер-

шенно отъ состоянія каждаго, ибо пріобрѣтеніе жены сопряжено съ довольно значительными издержками: по этой-то причинѣ такъ много въ настоящее время холостыхъ Самоѣдовъ. Отецъ женитъ дѣтей своихъ, не спрашивая напередъ ихъ на то согласія, и случается такъ, что родители сосватаютъ сына съ самаго его малолѣтства, иногда даже и на несовершеннолѣтней дѣвицѣ. Тогда отецъ, для переговоровъ съ родителями невѣсты, посылаетъ къ нимъ родственника или знакомаго сватомъ, по Сам. *Эву*, который съ шомполомъ или варильнымъ крюкомъ въ рукѣ, отправляется въ невѣстинъ чумъ, по пріѣздѣ туда объявляетъ отцу имя пославшаго его и кладетъ ему на колѣни лисицу красную или бурую, для опредѣленія этимъ состоянія жениха; самъ выходитъ изъ чума, а иногда и уѣзжаетъ тотъ часъ же обратно къ хозяину своему. Если подарокъ понравится отцу, и онъ пожелаетъ отдать дочь свою замужъ, то оставляетъ его у себя; если же нѣтъ, то немедля отсылаетъ обратно. Въ первомъ случаѣ сватъ снова ѣдетъ въ чумъ будущаго тестя, на этотъ разъ беретъ только одну бирку и молча подаетъ ее тестю, который намѣ-

часть на ней столько рубежковъ, сколько желаетъ взять за дочь свою оленей, песцовъ и т. д. и отдаетъ ее свату; сватъ, если уполномоченъ въ томъ отъ хозяина, срѣзываетъ съ бирки то число рубежковъ, которое ему кажется лишнимъ. Условившись наконецъ въ цѣнѣ, каждый изъ нихъ, на обоихъ концахъ палочки, кладетъ клеймо свое, раскалываетъ бирку на двое и тотъ и другой беретъ каждый по половинкѣ. Въ продолженіе всей этой сдѣлки не говорится почти ни слова и только дѣйствуютъ посредствомъ знаковъ.

Цѣны Самоѣдскимъ невѣстамъ бываютъ довольно значительныя, соображаясь съ красотою и молодостью невѣсты и съ богатствомъ жениха:

Богатые даютъ:

По 100 и по 200 оленей.
Кромѣ того 100 — — 200 песцовъ.
1 — — 2 чернобурыхъ или 10 красныхъ лисицъ.
3 сажени тонкаго алаго, синяго или желтаго сукна.
1 мѣдный котелъ.

Средняго состоянія:

От 25 до 50 оленей.
25 — 50 песцовъ.
1 — 2 красныхъ лисицъ.
3 сажени сукна недорогой цѣны.
1 мѣдный котелъ.

Бѣдные:

Отъ 10 до 20 оленей, или деньгами отъ 7 до 15 руб. серебромъ (*).

Нѣсколько сукна, котелъ, но рухляди не дается.

Въ замѣнъ этого родители невѣсты снабжаютъ ее приданымъ: за каждые 8 оленей, которыхъ получили отъ жениха, даютъ сани, запряженныя *двумя* оленями съ чумомъ, пюками, женскимъ платьемъ, печенымъ хлѣбомъ, коровьимъ масломъ и олениной, а по окончаніи каждаго года, дочь пріѣзжаетъ къ отцу и беретъ одного оленя. Обѣ стороны, ударивъ по рукамъ, дѣлаются развязнѣе въ разговорѣ и назначаютъ день полученія выкупа за невѣсту; тогда приглашаются отцемъ жениха по-

(*) *Примѣч.* Замѣчательно, что Самоѣдскій десятокъ *(Хасово-ю* или *Хабе-ю)* равняется нашему числу *девять*, такъ что если назначено дать за невѣсту 100 оленей, то дается ихъ 10 десятковъ или Самоѣдскимъ счетомъ только 9 + 9 = 81; наше же число 10 называется *Луцы-ю*, т. е. Русскій десятокъ.

сторонніе люди, которые пособивъ ловить оленей, съѣзжаются всѣ въ невѣстинъ чумъ, гдѣ сватъ, для угощенія невѣстиной родни, закалываетъ оленя, а невѣстинъ отецъ отплачиваетъ ему тѣмъ-же самымъ, и угощеніе сырымъ мясомъ начинается съ обѣихъ сторонъ. Послѣ того гости заходятъ въ жениховъ чумъ — и тогда отецъ, если у него нѣсколько сыновей, беретъ за руку того изъ нихъ, котораго предназначилъ невѣстѣ и сажаетъ его съ нею рядомъ, а когда гости начнутъ ѣсть мясо, то и имъ подаютъ его въ одной чашѣ; женихъ, отрѣзавъ кусокъ, не говоря ни слова, предлагаетъ невѣстѣ, которая принимаетъ его также молча; если случится вино, то угощеніе идетъ тѣмъ-же чередомъ, и женихъ чрезъ плечо подаетъ кубокъ невѣстѣ; но пиршество тогда, разумѣется, бываетъ шумнѣе. Въ сумерки гости понемногу начинаютъ разъѣзжаться, всѣ, даже родные, выходятъ изъ чума и оставляютъ въ немъ однихъ только обрученныхъ... Послѣ полуночи, такъ чтобы никто не замѣтилъ, женихъ долженъ выйти изъ чума, запречь своихъ оленей и уѣхать домой; на другой день сватъ, какъ главный распорядитель, снова является къ отцу невѣсты и сгова-

ривается съ нимъ о днѣ свадьбы: созываютъ гостей и ѣдутъ въ невѣстинъ чумъ, гдѣ уже собралась вся ея родня, которая придерживая изнутри двери какъ можно крѣпче, старается не впускать въ чумъ жениховыхъ гостей до тѣхъ поръ, пока сватъ не подаритъ лисицу или песца, смотря по состоянію жениха; если подарокъ понравится, то двери чума раскрываются, всѣ гости влѣзаютъ туда, и въ кружокъ садятся по старшинству, женихъ съ невѣстой рядомъ. Послѣ угощенія, состоящаго все изъ той-же сырой оленины и вина, сажаютъ невѣсту на сани, покрываютъ ее одѣяломъ изъ разноцвѣтныхъ суконъ, къ санямъ ея привязываютъ нѣсколько саней съ приданымъ, и длиннымъ поѣздомъ, съ возможною скоростію, обвозятъ ее, сперва вокругъ чума отца ея, а потомъ три раза вокругъ женихова чума, гдѣ родственницы жениха и гостьи, ставши въ два ряда, встрѣчаютъ ее съ радостными кликами: если во время ѣзды ничего въ упряжи не оборвется, то это предвѣщаетъ счастливое супружество. Свекровь вручаетъ сыну молодую жену, и тѣмъ кончается вся свадебная церемонія. (*)

(*) Съ женою Самоѣдъ обыкновенно обращается грубо.

Кромѣ пѣсенъ, которыя почти каждый Самоѣдъ начинаетъ импровизовать въ пьяномъ видѣ, нѣтъ при свадебномъ обрядѣ никакихъ другихъ увеселеній, а музыкальные инструменты и пляски имъ вовсе неизвѣстны. Вообще же *пѣсни* (*хынопцъ*) состоятъ изъ предметовъ обыкновенной жизни: сколько кто выпилъ вина, или что съѣлъ семь сырыхъ омулей за одинъ разъ, или же запрягъ четырехъ бѣлыхъ оленей въ рядъ и поѣхалъ въ другой чумъ, гдѣ увидѣлъ такую красавицу, что сердце пришлось ему къ горлу и онъ умъ потерялъ. *Старины* же (*сюдбопцъ*) суть болѣе разсказы героическіе, напримѣръ: о богатырѣ, у котораго платье было желѣзное, а лыжи такія острыя, что пойдетъ-ли онъ лѣсомъ, лѣсъ валится, встрѣтится-ли хребетъ, и хребетъ прорѣжетъ, плеча у него, что Вайгачъ-островъ, а ходилъ онъ такъ скоро, что буря чуть слѣдила ему по пятамъ. Старины эти поются въ носъ, однообразными звуками, на нѣсколько разныхъ напѣвовъ, смотря по содержанію ихъ.

она даже не смѣетъ называть его по имени. Если мужъ подозрѣваетъ жену въ невѣрности, то наказываетъ ее побоями, а повстрѣчавшись съ соперникомъ, отпрягаетъ и уводитъ изъ саней его одного оленя, а тотъ чувствуя себя виновнымъ, молчитъ и ѣдетъ далѣе.

При вступленіи въ супружество у Самоѣдовъ соблюдается степень родства, такъ что изъ рода своего, по мужеской линіи, Самоѣдъ не можетъ взять жену, ибо это почитается кровосмѣшеніемъ, но изъ женскаго беретъ иногда и самую близкую родственницу свою. Родовъ этихъ Самоѣды придерживаются уже съ давнихъ временъ, и считаютъ до *шести* главныхъ, имѣющихъ нѣсколько подраздѣленій и получившихъ названія одни отъ именъ родоначальниковъ, другіе отъ урочищъ, при которыхъ обыкновенно промышляютъ.

Тундряные роды (теперь извѣстные подъ названіемъ Самоѣдовъ *Пустозерскаго и Усть-цылемскаго вѣдомствъ):*

I) *Тыссіи*, самый многочисленный, составляющій $1/2$ Самоѣдовъ Пустозерскаго вѣдомства, большею частію некрещены.

a) *Яу-тыссіи* (отъ *ямъ*, море) т. е. занимающіеся морскими промыслами.

b) *Лаптандеры-Т.*, т. е. кочующіе по Лаптѣ.

c) *Ного-Т.* (отъ *ного*, песецъ,) т. е. занимающіеся песцовымъ промысломъ.

Весною для теленія оленей, роды сіи выходятъ изъ лѣсовъ къ рѣкамъ: *Воркотъ, Сіойдъ* и *Хузьмору*; къ Іюню и Іюлю приближаются къ рѣкамъ *Каръ* и *Коротаихъ,* а племя *Яутыссіи,* для рыболовства и промысла моржей и бѣлыхъ медвѣдей, переходитъ даже на островъ *Вайгачъ;* въ Августѣ и Сентябрѣ занимаются рыболовствомъ при озерахъ: *Балбанскомъ* и *Письемъ* и охотою на песцовъ, въ особенности по хребту *Погосоты;* къ зимѣ возвращаются въ лѣса.

d) *Пагансѣда-Т.* (отъ *пага,* губа и *сѣда,* сопка) т. е. кочующіе у *Паганской* губы или губы *Пангансѣда,* у *Пыткова* камня.

e) *Сіусѣда-Т.* (отъ *сіу,* семь и *сѣда,* сопка) т. е. кочующіе у сопки *Сіусѣда,* у Заворотскаго Носа, при вершинѣ р. Песчанки.

Олени ихъ телятся у окраины лѣсовъ при рѣкахъ *Шапкиной, Хабеягъ* и *Колвъ;* къ Іюню племена *Пагансѣда* и *Сіусѣда-Тыссіи* подвигаются къ вершинамъ этихъ рѣкъ и доходятъ до моря, гдѣ до половины Сентября занимаются ловлею рыбы и морскаго звѣря; осенью промышляютъ песцовъ по

хребтамъ, а на зиму становятся на *Колвинской* и *Харнесъ Лаптѣ*.

II) *Логей*, также племя многочисленное.

a) *Сядеи-Логей*.

b) *Уанаканъ-Л.* (собачій родъ, отъ *уанъ*, собака.)

c) *Вылка-Л.*

d) *Пырерка-Л.* (отъ *пыре*, щука) т. е. занимающіеся щучьимъ промысломъ.

Веснуютъ у вершинъ *Хырмора*, особенно у сопки *Сава сѣда;* къ лѣту идутъ къ устью Коротанхи, гдѣ занимаются (особенно племя *Вылка Л.*) морскимъ промысломъ; осенью ловятъ *омулей*, которые, почуявъ холодъ, идутъ въ рѣки изъ моря; въ половинѣ Октября промышляютъ рыбу и песцовъ у озера *Харвея*.

III) *Выучей*, и племя *Выучей-Лаптандеры*, кочующіе по Малоземельской Лаптѣ.

Весною у р. *Шапкиной*, лѣтомъ у *Пыткова камня* и р. *Пайяги;* осенью промышляютъ песцовъ по хребтамъ, а къ зимѣ приближаются къ озерамъ: *Серцею* и *Лайскому*, и спускаются въ лѣсамъ по р. *Хабеягѣ*.

Лѣсовые роды, (теперь извѣтные подъ названіемъ Самоѣдовъ *Ижемскаго,* и частію *Устьцылемскаго вѣдомствъ).*

IV) *Хатанзей,* изъ лѣсовыхъ самый большой родъ.

V) *Валей,* малочисленный.

VI) *Ванюта или Уанойта,* еще менѣе.

Самоѣды, къ лѣсовымъ родамъ принадлежащіе, большею частію находятся въ работникахъ у Ижемцевъ; до 50-ти хозяевъ имѣютъ еще оленей, и то не болѣе 4,000 головъ; но теперь кочевья ихъ такъ разбиты стадами Ижемцевъ, что невозможно опредѣлить постояннаго, ежегоднаго пребыванія ихъ на томъ или другомъ мѣстѣ и положительно можно сказать только, что они слѣдуютъ за Ижемцами, при неизмѣнномъ походѣ сихъ послѣднихъ отъ лѣсовъ къ морю противъ теченья рѣкъ: *Хабеяги, Колвы, Хырмора, Хузьмора, Сіойды* и *Воркоты,* и отъ моря къ лѣсамъ.

Похороны. Если въ чуму умретъ кто нибудь изъ Самоѣдовъ, то чумовое покрывало раздираютъ въ томъ мѣстѣ, противъ котораго лежитъ покойникъ, и переламливаютъ шесты, на которомъ оно держится,

выносятъ въ это отверстіе покойника, одѣваютъ его въ ту одежду, которую онъ при жизни носилъ и завертываютъ въ оленью шкуру; даютъ знать ближнимъ родственникамъ, а между тѣмъ не хоронятъ покойника въ продолженіи однихъ или двухъ сутокъ; за тѣмъ кладутъ его на сани, запряженныя любимыми его оленями и везутъ къ мѣсту погребенія, избирая по большей части тѣ мѣста, которыя заняты уже предками. По этому часто встрѣчаются по тундрѣ названія: *Халмеръ-падера* или *халмеръ-о* (лѣсъ или островъ покойниковъ и *Хейвыде-падера*, (грѣшный лѣсъ) — это кладбища Самоѣдовъ. Здѣсь, если лѣсу достаточно, то дѣлаютъ такой большой бревенчатый срубъ, чтобы съ покойникомъ умѣстилось запасное его платье, сколько онъ имѣлъ его, ложки и чашки, которыя онъ употреблялъ при жизни, и ставятъ срубъ этотъ поверхъ земли; если же лѣсу мало, то вырываютъ могилу. Къ мужчинамъ кладутъ топоръ, ножъ, долото, сверло, ружье и прочія вещи, въ промыслахъ употребляемыя, харей и сани, опрокинутыя вверхъ полозьями, а къ нькамъ чашку, ложку, иголки, наперстокъ, котелъ и прочіе хозяйственные снаряды; всѣ эти

вещи должны быть поломаны въ знакъ того, что на томъ свѣтѣ употребляютъ ихъ въ другомъ видѣ, какъ здѣсь. Покойника кладутъ немного на бокъ, глазами на западъ, и тѣмъ какъ бы хотятъ показать «что жизнь человѣка исчезаетъ за могилой, какъ солнце за небосклономъ.» Надъ могилою, какъ при всѣхъ церемоніяхъ, жертвуютъ оленя, убивая его мучительною смертью, вонзая ему въ заднiй проходъ заостреный деревянный шестъ и если сразу удастся имъ положить оленя на мѣстѣ и животное не покажетъ никакого движенія, то это радостное предзнаменованіе означаетъ, что никто изъ среды ихъ не умретъ въ скоромъ времени. Оленя съѣдаютъ тутъ же на мѣстѣ, мягкія части, если не всѣ съѣдятъ, то увозятъ обратно съ собою, а оставляютъ только голову съ рогами. По окончаніи похороннаго обряда всѣ отходятъ отъ могилы задомъ напередъ, садятся въ сани и уѣзжаютъ обратно въ чумъ, въ который заходятъ не иначе какъ чрезъ огонь, окурившись оленьимъ жиромъ или бобровымъ волосомъ; окуриваютъ такимъ-же образомъ и оленей, отвезшихъ покойника на могилу, и упряжь, при этомъ употребленную. Маленькихъ

дѣтей вовсе не хоронятъ, но въ ящечькахъ или зыбкахъ вѣшаютъ по деревьямъ, для того, чтобы они, какъ существа чистыя, были ближе къ Нуму и не находились въ соприкосновеніи съ грѣшнымъ людомъ. О мертвыхъ Самоѣды рѣдко плачутъ и никакихъ поминокъ по нимъ не совершаютъ, напротивъ того такъ боятся покойниковъ, что не только не говорятъ объ нихъ, но, по окончаніи описаннаго обряда, тотчасъ-же переносятъ чумъ на другое мѣсто, а вещей, положенныхъ къ покойнику ни зачто не тронутъ, а то отъ него никуда не уѣдешь: онъ не только будетъ вездѣ перебѣгать дорогу, но даже посѣщать во снѣ, а, чего добраго, и на яву.

Что будетъ съ ними за могилой, о томъ Самоѣды мало помышляютъ, но должно же быть у нихъ какое нибудь понятіе о будущей жизни, когда они кладутъ вещи къ покойнику въ томъ предположеніи, что онъ и тамъ будетъ пользоваться ими; но еще болѣе подтверждаетъ это преданіе, существующее у нихъ о Самоѣдѣ *Урерѣ*, который живой, съ санями и оленями, былъ взятъ на Небо, гдѣ ему по словамъ ихъ жить «*порато дородно*, т. е. весьма хорошо.»

Кромѣ того они твердо увѣрены, что существуютъ и подземные жители *Парны,* къ которымъ они, можетъ быть, по смерти переселятся и многіе видѣли даже, какъ изъ ихъ подземныхъ чумовъ, выходилъ въ сопку дымъ.

Другаго раздѣленія времени они не знаютъ, какъ восхожденіе и захожденіе солнца, и даже *для* дней не имѣютъ собственныхъ названій, кромѣ *для* воскреснаго или праздничнаго, который называютъ *грѣшнымъ* днемъ — *Хейвыде-яле.* Только и есть у нихъ наименованія мѣсяцевъ, соотвѣствующія замѣчательнымъ *для* нихъ событіямъ въ хозяйствѣ или явленіямъ въ природѣ; а именно: 1) *Январь* называется по Самоѣдски *Тупкампя-ярій,* отъ *тупка,* топоръ и *пя,* лѣсъ; потому что въ этомъ мѣсяцѣ бываетъ такъ холодно, что желѣзный топоръ отъ дерева ломается; Январь называютъ также *Лимбе-ярій.* 2) *Февраль* — *Яре-ярій* отъ *яре,* холодный; 3) *Мартъ* — *Сіе-нищь-ярій* отъ *сіе,* врать и *нищь,* телиться, ибо случается, что ожидаютъ, что олень отелится, но напрасно. 4) *Апрѣль* — *Пенейнищь-ярій,* отъ того, что олень въ этомъ мѣсяцѣ начинаетъ телиться. 5) *Май* — *Тынищь-ярій,* отъ *ты* олень и *нищь,* телиться — отъ того, что

въ этомъ мѣсяцѣ всего болѣе родится оленей. 6) *Іюнь — Нъпъгъ-ярій,* отъ *нъпъгъ,* комаръ—комарный мѣсяцъ. 7) *Іюль — Пиліо-ярій* отъ *пиліо,* оводъ-оводной мѣсяцъ. 8) *Августъ — Тысельць-ярій* отъ того названъ, что въ этомъ мѣсяцѣ олень скоблитъ мохнатые рога. 9) *Сентябрь — Яунгалемберць-ярій,* отъ *яунгале,* омуль и *берць,* промышлять. 10) *Октябрь — Малкомзъ-ярій* отъ *малкъ,* безрогій олень (комолый); въ этомъ мѣсяцѣ олень теряетъ рога. 11) *Ноябрь — Паудей-ярій,* темный мѣсяцъ. 12) *Декабрь — Арка-паудей-ярій,* самый темный мѣсяцъ.

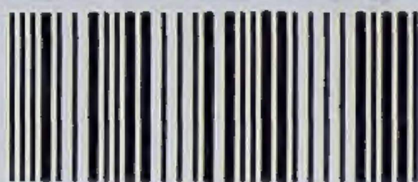
При этомъ, хотя кратко-обрисованномъ очеркѣ настоящаго быта Самоѣдовъ, не излишне было-бы упомянуть и о состояніи нынѣ существующаго у нихъ административнаго порядка, еслибъ не предвидѣлось, что частію по замѣчаніямъ мѣстнаго начальства, частію же по моимъ предположеніямъ, прежнія постановленія вскорѣ подвергнутся измѣненію и могутъ быть приняты новыя мѣры для устройства этого народа. — Но даже и при новомъ, лучшемъ порядкѣ вещей не льзя предсказать Самоѣдамъ счастливой будущности: племя это должно въ непродолжительномъ вре-

мени слиться съ народомъ сильнѣйшимъ — это слишкомъ естественный ходъ вещей, явленіе, повторяющееся каждый разъ, при столкновеніи болѣе развитаго народа съ полудикимъ, необразованнымъ племенемъ, — и какъ могутъ безпечные, недальновидные Самоѣды устоять противъ нравственнаго надъ ними вліянія бойкихъ, предпріимчивыхъ Зырянъ и Русскихъ? Богатые слишкомъ нуждаются въ нихъ для сбыта промысловъ, бѣдные слишкомъ привыкли считать ихъ своими властителями, и бѣднымъ трудно представить себѣ, чтобы они могли существовать безъ Зырянъ или Русскихъ, а весь народъ слишкомъ страстно преданъ горячимъ напиткамъ, чтобы когда-либо могъ самостоятельно управлять собою и удержать хотя малую часть не утраченнаго еще достоянія своего. — Мѣрами къ огражденію Самоѣдовъ отъ насилія Зырянъ и Русскихъ, остановится только, на нѣкоторое время, явное стремленіе племени Самоѣдскаго, смѣшаться съ двумя этими народами и навсегда исчезнуть посреди ихъ; всему этому направленію дастся болѣе естественный ходъ, оно приведется въ болѣе естественныя границы и за тѣмъ Самоѣды должны будутъ испытать общую

участь племенъ слабыхъ — примкнуться къ народу сильнѣйшему, и утративъ и характеръ и отличительныя черты самостоятельнаго племени, оставить только по себѣ память въ преданіяхъ минувшихъ дней.

КАРТА
ТУНДРЫ
Мезенскаго Уѣзда
Архангельской Губер.
1847 г.
Сѣверный
Океанъ
Бѣлое
Море
О. Колгуевъ
О. Вайгачъ
Канина земля
Канинъ Носъ
Чесская Губа
Губа Колоколкова
Морская
Лапта
Больше-Земельская Тундра
Тобольская Губер.
Карская губа
Р. Печора
Слобода Ижма
Д. Усть Цыльма
Д. Усть Уса
Самоѣд. Церковь
Сибирская дорога
Косья Июръ
Березовъ
Обдорскъ
Д. Кармаіолъ
Д. Оранецъ
Д. Березднкъ
Д. Позориха
Д. Усть-Воя
Лялина
Г. Мезень
Д. Соколова
Д. Кожва

2007056743